

ВАСИЛИЙ ВЕДЕНЕЕВ

КАЗИНО
«БОН ШАНС»

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Василий Веденеев
Казино «Бон Шанс»

«Центрполиграф»

2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Веденеев В. В.

Казино «Бон Шанс» / В. В. Веденеев — «Центрполиграф»,
2010 — (Классическая библиотека приключений и научной
фантастики)

ISBN 978-5-227-06544-5

Неожиданно приехавший к Петру Меркулову старый приятель латыш Юри скончался от инфаркта. Отыскивая в его вещах паспорт, Петр обнаружил ультрасовременную шпионскую аппаратуру и оружие. Уже на следующее утро Меркулову позвонил неизвестный и предложил явиться на похороны покойного. А затем раздался звонок из Риги – Петру назначили встречу. Он понимает, что с подачи Юри попал в круг интересов очень серьезных людей. Той же ночью убит хозяин сети игорных заведений, а его подельников очень беспокоит смерть Юри, исчезнувшее оборудование и надвигающаяся война с конкурирующей группировкой...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-06544-5

© Веденеев В. В., 2010
© Центрполиграф, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Василий Веденеев

Казино «Бон Шанс»

© В.В. Веденеев, наследники, 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

За окном медленно сгустились серенькие осенние сумерки. Ясное днем небо незаметно затянуло рваными, похожими на комья сырой шерсти облаками, тяжело набухшими то ли мелким, холодным дождем, то ли колкой ледяной крупой, готовой щедро просыпаться на мокрый черный асфальт, облезлые крыши и торопливо спешивших по улицам пешеходов. В квартире сразу сделалось как-то неуютно, по углам залегли мрачные тени и на душе невольно возникло щемящее чувство тревоги, словно в ожидании близкой, непоправимой беды. Где она и в чем заключается, – кто знает? – но, вроде бы, уже подкрадывается, настырно отыскивая лазейку, чтобы зацепиться кончиком острого отравленного когтя и рвануть душу болью...

Петр плотнее задернул шторы, но свет зажигать не стал: глаза устали от работы и хотелось немного посумерничать, предаваясь бездумному времяпрепровождению, тем более, это удавалось так редко. Он опустил в глубокое мягкое кресло и блаженно прикрыл глаза, наслаждаясь тишиной и покоем...

Однако долго побыть одному не удалось: на широком подлокотнике тихо и неслышно, как кошка – только она умела это так делать, – пристроилась Ирина. Чуть приоткрыв глаза, он увидел волнующий изгиб ее крутого бедра и туго обтянутые шелковистым нейлоном круглые колени, словно нарочно выставленные напоказ из-под короткой юбки. Она знала, что у нее красивые ноги, способные сводить мужиков с ума, и никогда не забывала об этом. Ему захотелось погладить ее по колену, ощутить ладонью его упруго-податливое тепло и в то же время манящую прохладу желанного женского тела. Но вместо этого он плотно сомкнул веки и не шелохнулся, будто не заметил ее присутствия.

– Ты опять уходишь? – она ласково провела ладонью по его волосам и слегка пощекотала за ухом, как бы призывая к игре, но он вновь не отреагировал.

– Ты уходишь? – уже серьезно повторила она. – Надолго?

Отвечать не хотелось. Как было хорошо – бездумно и спокойно полулежать в кресле, пока она не появилась. Однако Ирина не из тех, кто позволяет пропускать свои вопросы мимо ушей. Придется ответить.

– Не знаю.

– А кто знает? – не унималась она. – Может быть, мне стоит позвонить отцу?

– Вряд ли и он знает, – лениво процедил Петр.

– Тогда кто? – он всегда любил добиваться своего, и эта ее черта иногда его сильно раздражала, а временами вообще приводила в бешенство.

– Наверное, только Бог и Судьба, – Петр попытался отшутиться, но она не приняла шутки.

– Опять высокопарные слова? – Ирина презрительно скривила ярко накрашенные губы. – Когда человек бросается громкими словами, невольно задумаешься: дурак он или закоренелый лицемер? Но ты, Петенька, далеко не дурак! Постеснялся бы, в наше-то время, так говорить.

Она явно начинала злиться, а это совершенно ни к чему: лучше не доводить ее до такого состояния, не то потом всем станет тошно. Уже проверено на опыте.

– Кому все это нужно?! – скрывая нараставшее раздражение, она слегка дернула его за ухо.

– России.

– Продолжаешь лицемерить? – Ирина зло прищурилась. – Сейчас все только и думают, как бы...

– Знаешь, как сказал Христос? – перебил он ее. – «Если все, значит, не Я!»

– Нашел авторитет!

– Его популярность не знает границ и не подвержена тлению времени. Он выдержал больше веков, чем нынешние авторитеты десятилетий.

– Не уходи от разговора, – она положила ладонь ему на голову, словно намереваясь повернуть лицом к себе. – Она еще есть, наша Россия?

– Угадай, чего мне иногда больше всего хочется? – все так же не открывая глаз, спросил Петр.

И тут резко и требовательно зазвонил телефон, стоявший на полу около кресла. Меркулов встряхнул головой, открыл глаза и... проснулся.

Бог мой, оказывается, все это лишь сон, только сон, не более того! Ирины и в помине нет на подлокотнике кресла, а их многолетней давности разговор просто привиделся ему, сохраненный услужливой памятью. У-ух уж эта память! Почему она у него такая, что умеет усердно хранить в себе все – плохое и хорошее, и даже то, что он страстно желал бы навсегда забыть? Мало того, она подсовывает подобные воспоминания в самые неподходящие моменты.

Ладно, оказывается, это всего лишь сон. Сон, и больше ничего. Однако резкий звонок телефонного аппарата самый что ни на есть реальный. Он сердито тренькнул и замолк.

«Сделал свое дело? – неприязненно покосился на него Меркулов. – Вдруг во сне наш разговор закончился бы совершенно иначе, чем он закончился на самом деле много лет назад? А ты не дал досмотреть и дослушать».

Он потянулся, разминая слегка затекшее во сне большое, сильное тело, и тут телефон зазвонил вновь. Петр снял трубку и привычно буркнул в микрофон:

– Да!

– Питер? – донеслось до него сквозь треск помех на линии, и сердце слегка замерло: так его называл лишь один человек на свете. Неужели? Неужели Большой Христофор¹ перегнал свою ладью с Даугавы на Москва-реку и высадил с нее на облицованный гранитом берег доброго приятеля юных лет Ояра Юри?

– Ояр? Ты? – боясь ошибиться, чуть осевшим голосом неуверенно спросил Меркулов.

– Я, герр Питер! – коротко хохотнули в наушнике. – Не ожидал?

Петр тайком облегченно вздохнул: за те мимолетные секунды, пока он ждал ответа, сердце вновь успело замереть, как перед прыжком в неизвестность.

– Почему же, – вполне искренне ответил Меркулов. – Я не просто ждал, я мечтал услышать тебя.

А про себя думал: «Особенно после того как видел такой сон. Не мистика ли, что сразу после него, даже прерывая его на том месте разговора, который я много лет так хотел изменить, раздался звонок телефона и, сняв трубку, я услышал голос Юри?»

– Только услышать? – снова хохотнул Ояр: он всегда так смеялся, словно издавал горлом короткое петушиное клекотание. – А как насчет увидеть? Не буду тянуть, старик, скажи сразу: я могу у тебя перекантоваться пару-тройку дней? Ты один?

– Что ты имеешь в виду? Мое физическое или гражданское состояние? – выигрывая время, ответил шуткой Меркулов: со времени последней встречи с Юри он успел поменять квартиру и номер телефона, но, похоже, для Ояра, как и прежде, не существовало никаких преград. Он отыскал старого приятеля в огромном городе.

– Физическое, – немедленно отозвался Юри. – О твоих семейных делах я наслышан, но знакомиться с супругой и наследниками сейчас не время. Так как, ты можешь приютить меня? Буквально на два дня. Не хочется в казенщину гостиницы. Все-таки мы давненько не виделись.

– Да уж, – согласился Петр. Действительно давненько, минимум лет пятнадцать. И тут же все решил: – Приезжай! Буду рад тебя видеть, заодно поболтаем всласть. Адрес дать?

– Не нужно. Жди минут через сорок. У тебя там есть где приткнуть машину?

¹ Большой Христофор – легендарный паромщик на Даугаве из латышского эпоса.

– Поставь во дворе.

– Все...

Меркулов осторожно положил трубку на рычаги и подумал: хорошо, что жена и младший сын гостят у ее родителей. Какое-никакое, а хотя бы временное ощущение полной свободы. А сейчас нужно посмотреть – есть ли чем угостить нежданного гостя?

Он зажег свет, собрал разбросанные на стульях и диванах вещи, сгреб в угол игрушки сына, заглянул в бар. Ага, бутылки водки, фляжки с коньяком и пары бутылок вина хватит на сегодняшнюю ночь к чаю и кофе, а завтра они что-нибудь придумают. В холодильнике кастрюля со свежим борщом, казанок с тушеным мясом, сыр, фрукты, упаковка тонко нарезанной свиной шейки. Хлеб тоже есть. Нормально! В былые времена они ограничивались более скудными припасами.

Но бог мой, Ояр Юри! Вынырнул из тьмы небытия, бродяга! И еще этот странный сон перед его звонком! К чему бы это? Ведь много лет назад они оба ухаживали за Ириной, и поначалу казалось, что победа, несомненно, достанется Ояру, но потом, в один – трудно теперь сказать, прекрасный или нет, но, наверное, все-таки прекрасный – момент все как-то разом переменялось и она предпочла Петра...

Впрочем, хватит думать об этом, наверняка, Юри сам заведет разговор об Ирине, вот тогда можно и предаться воспоминаниям. А пока нужно хоть что-то собрать на стол и ждать появления старого приятеля...

Закутавшись в большой теплый мохнатый халат, Борис Владимирович Малахов полулежал на диване, ласково массируя кончиками пальцев край правого подреберья и, чуть прищурившись, наблюдал, как по широкой гостиной нервно вышагивал приземистый, плотный Леонид Пак. Лицо Корейца напоминало маску бесстрастного восточного божка, с чуть поблескивавшими из-под узких век темными жаркими глазами. Крепкие руки сцеплены за спиной, дорогой пиджак туго обтянул крепкие плечи, темно-вишневые лаковые туфли бесшумно ступали по ковру.

«Нервничает Ленька, – лениво подумал Малахов и перевел взгляд на уютно устроившегося в кресле Снегирева: своего советника по обеспечению безопасности и главу административно-правовой службы фирмы. – И у этого морда деревянного истукана, никогда не поймешь, что задумал».

Борис Владимирович чуть усмехнулся в ответ на свои мысли: Пак и Снегирев слишком разные, поскольку вышли из антагонистических миров, поэтому частенько не ладили, да ему это только на руку. Никогда нельзя давать слишком усилиться одному, дабы не попасть вдруг в зависимость от него и не потерять собственную власть.

– Сейчас будут звонить, – Снегирев кивнул на телефон, подсоединенный к розетке через прибор, готовый подать сигнал тревоги при прослушивании разговора. – С минуты на минуту.

– Скребутся, как мыши, – переворачиваясь на другой бок, недовольно проскрипел Борис Владимирович. – Ищут, где дырочку прогрызть, чтобы морду всунуть!

Пак тихо выругался сквозь зубы, а Снегирев согласно кивнул и ободряюще улыбнулся шефу, словно неведомым путем сумел прочесть роящиеся в его голове сомнения:

– Наверное, лучше взять трубку мне, а потом передать ее вам?

– Хорошо, – кивнул Борис Владимирович. – Ты и начни разговор. Но помягче, не педалируй.

– Почему мы должны с ними церемониться? – сунув в рот сигарету и чиркнув зажигалкой, недоуменно спросил Пак. – Отрезать напрочь и пусть катятся к... Мы сейчас сильнее!

– Никогда не стоит торопиться сжигать все мосты, – рассудительно заметил советник. – Обстановка имеет неприятное свойство изменяться.

Он склонил на бок лысеющую голову и с иронией посмотрел на Корейца. Тот ответил ему равнодушным взглядом и сел в кресло напротив столика с телефоном, жадно затягиваясь сигаретой.

– Не ссорьтесь, – примирительно заметил Малахов. – Вы оба правы, и я учту все предложения. Сначала послушаем, что нам скажут.

– И так известно, – начал было Леонид, но под тяжелым взглядом шефа осекся и замолчал.

Борис Владимирович сел и запахнул полы халата. В принципе, ему они нужны и дороги оба – и яростно-холодный, дерзкий Ленька Пак, и скрупулезно рассчитывающий ходы, обладающий множеством совершенно невообразимых связей и возможностей Александр Александрович Снегирев.

Судьба свела их вместе несколько лет назад. Тогда Борис Владимирович Малахов, имевший несколько судимостей и более известный в криминальной среде под кличкой Адвокат, искал крупное дело, желая легализовать и «отмыть» уже имевшиеся у него деньги. Он уже тогда приблизил к себе надежного и удачливого бойца Леньку Пака, чудом умудрившегося еще не понюхать зоны. Но как раз это и импонировало Адвокату – он немало знал о том, сколько сведений о себе оставляет в МВД любой, прошедший через их чистилища. А Кореец был хитер, увертлив и пока чист перед законом. Однако он не мог помочь создать крупное дело. Когда один знакомый предложил Борису Владимировичу свести его с бывшим подполковником КГБ Александром Александровичем Снегиревым, Адвокат поначалу подумал, что старый приятель рехнулся и не пора ли его, с такими-то знакомыми, отправить к Богу в рай – пусть там ангелов сводит с комитетчиками!

Потом, немного остыв и поразмыслив, он все же скрепя сердце согласился встретиться и пощупать этого Снегирева – чем черт не шутит? Ведь берут же на лапу менты, и не только берут на лапу, а этот, хоть и выкормыш чекистов, но все-таки бывший, уже оттрубивший положенное в их поганой конторе.

Встреча его не разочаровала, но заставила серьезно задуматься: Александр Александрович оказался не менее осторожным, чем сам Адвокат, не зря так прозванный среди блатной публики за знание законов, обходительные манеры, привычку расправляться с неудобными чужими руками и фантастическую алчность. Малахов хотел денег. Снегирев и Пак хотели того же. Первоначальный капитал был у Малахова, нужные связи и необходимый опыт у Снегирева, а отшибание рэкетиоров и прочей публики, желающей порезвиться за чужой счет, а также разборки с конкурентами возложили на Корейца. Вскоре открылась фирма, дела которой быстро пошли в гору, но радоваться Адвокат боялся, по тюремной суеверности опасаясь сглазить удачу.

Снегирев оказался человеком не только осторожным и ловким, но и цинично-остроумным, умевшим отыскать выходы из, казалось бы, безвыходных положений.

– Единственный способ не попасть под колесо – это двигаться вместе с ним, – частенько твердил он Борису Владимировичу, оставаясь с ним наедине.

– Что ты имеешь в виду? – прикидывался недоумком Адвокат, поднимая на советника тяжелый взгляд.

– Надо поторапливаться, – потирал сухие ладошки Александр Александрович и загадочно усмехался. – Законов нет! Потому что на те, что есть, все плевать хотели. От мала до велика. Как вы понимаете, уважаемый, я имею в виду отнюдь не возраст, а должностное положение. Трагикомический факт: страна почти мертва, экономика превратилась в труп, а мы живы!

– Это что же, мы вроде червей? – кривился Малахов. – Ну ты загнул!

– Ничуть, – не смущался Снегирев. – Черви тоже жиреют, пока их не сожрут другие. Птички, например. Вот не дать им себя сожрать – наша основная задача!

– Хватит ходить кругами, – оборвал его тогда Борис Владимирович. – Дело говори, нечего юлить со своими штучками, с червями и колесиками!

– Дело? – задумчиво переспросил бывший страж госбезопасности. – У нас в стране, знаете ли, до сего времени превалирует пещерно-дикарский уровень менталитета. Так сказать, рудиментарный пережиток сознания времен тоталитаризма. Я понятно излагаю?

Малахов только бровью повел в ответ: говори, мол, и не такое слыхали. Борис Владимирович мог и сам загнуть не хуже, поскольку до первой судимости, пустившей его жизнь по другому руслу, успел получить довольно приличное образование в одном из столичных вузов. Потом тоже не терял времени зря, много читал, а цепкая, как говорят в народе, «лошадиная» память удерживала в его голове столько, что сумей Снегирев хоть краем заглянуть в нее как экстрасенс, он, наверное, не только задрожал бы от страха, но пустился бы бежать от Адвоката без оглядки. Естественно, если бы ему позволили это сделать: «ближних» Борис Владимирович любил сам провожать на кладбище, но никогда об этом не распространялся, хотя бы в силу того, что от природы был хитер и немногословен, а жизнь научила его очень многому.

– Так вот, – продолжал он, поигрывая ручкой с золотым пером: Сан Саныч вообще питал слабость к мелким красивым вещичкам, – среди компьютеров, «мерседесов» и «вольво», банков, свободного хождения доллара, а также прочих атрибутов развитого общества процветает принцип первобытности: сильный главарь и его подручные.

– Не ново! – как припечатал Малахов. – Вопрос в том, как стать, по выражению макаронников, «капо дель капо»?

Экс-гэбэшник поглядел на шефа с нескрываемым уважением и тихо произнес:

– Один такой способ есть...

– Хорошо, но долго ли продержимся?

– Ха! – отмахнулся Александр Александрович. – Америку создали авантюристы, Австралию – вообще бывшие каторжники и ничего, прилично живут, значительно лучше, чем в нашей богоспасаемой, которую пытались построить борцы за народное дело. Мы рискуем...

– Чем?

– Встретиться с одним приличным человеком для переговоров.

Слово было сказано. Вскоре Снегирев познакомил шефа с грузным хриплоголосым человеком, смотревшим на мир из-под набрякших век. Он часто прикладывался к фляжке с коньяком и говорил с заметным прибалтийским акцентом. Его предложения сильно заинтересовали Адвоката, хотя он прекрасно понимал, какие денежки притекут на счета его фирмы и кому они принадлежат. И куда пойдут потом, тоже догадывался – это тебе не «грев» корешам в зону отправлять, а помогать снабжать стратегическими материалами пусть раньше родное и братское, но теперь чужое и становившееся все более чужим государство. Тем не менее предложения были очень заманчивы. Очень!

Следом появился длинноносый, угодливо-вкрадчивый, чем-то похожий на заморскую птичку марабу Арнольд Генкин. Взглянув на его руки, Малахов понял, что Арнольд Григорьевич в жизни не держал в них ничего тяжелее карандаша и что сломать он его тоже сможет в момент, как тот тоненький карандаш в своих могучих лапах, когда-то одним ударом кулака превращавших лицо противника в кровавое месиво мяса и костей. Однако такое было давно и от подобного Борис Владимирович научился воздерживаться уже много лет назад, а «ломать» предпочитал морально, но зато навсегда – так, что ни одна пластическая операция не выправит.

Генкин ему понравился – в нем было то, что нужно: осторожность, удивительная изворотливость, умение держать язык за зубами и, пусть тщательно скрытый, но животный страх перед хозяевами. Это Малахов ценил и потому одобрительно кивнул, не удостоив Арнольда даже словом.

И дело, на которое намекал хитроумный Снегирев, завертелось. Несколько месяцев спустя выправили все необходимые бумаги, нашли приличное помещение в центре, и фирма

Бориса Владимировича открыла несколько игорных заведений, основным среди которых стало казино «Бон Шанс».

– Ждать да гадать – всю жизнь прождешь да прогадаешь. Вот он, наш шанс, – посмеивался Снегирев и завертелся юлой.

Нужны были опытные крупье, надежная охрана, большие деньги на ремонт, оборудование и многое, многое другое. Генкин тоже не сидел сложа руки. Пришлось потрудиться и остальным, зато потом как приятно было войти в роскошный вестибюль под горящей неонов вывеской «КАЗИНО «БОН ШАНС».

Снегирев вообще оказался незаменимым помощником и советником – в руках у него буквально все горело, а в любых сферах находились нужные люди. Возникла служба охраны: лицензированная, вооруженная огнестрельным оружием. Придирчиво отбирая людей, Александр Александрович создал некое подобие личных телохранителей президента фирмы, круглосуточно опекавших Адвоката. Появилась и специальная техника: от «друзей», помогавших финансировать предприятие, занимался ею невзрачный малый лет под пятьдесят, но Снегирев не мог на него нарадоваться.

Презентацию справили пышно. Борис Владимирович лично, сияя улыбкой перед блицами фотокорреспондентов и хрустя туго накрахмаленным пластроном манишки, красуясь сидящим как влитой смокингом, запустил первую рулетку под хлопки пробок шампанского и аплодисменты публики...

Примерно год все шло просто великолепно, и Малахов начал испытывать чувство легкого беспокойства – не может быть, чтобы на такой лакомый кусок никто не разинул жадного рта! Нет, конечно, случались «наезды» и прочие несуразицы, но с одними разбирался Ленка Пак, с другими – Снегирев, с третьими умудрялся находить общий язык главный менеджер казино Генкин. И все же...

И все же пришло то, чего Адвокат ждал и боялся. Рот разинули. Вернее, сначала показали зубы, похожие на волчий оскал, и предложили, – причем очень вежливо, – взять в долю. Хотя бы на десять процентов. Услышав об этом, человек, смотревший на мир из-под набрякших век, только молча отрицательно мотнул тяжелой крупной головой. Борис Владимирович с помощью Снегирева выяснил силу алчущих и твердо ответил – нет!

На время отстали. Но только на время. Спустя несколько месяцев вновь повторили льстиво-угрожающее предложение и уже попросили пустить или «взять» в долю на четверть капитала; причем посредником в переговорах выступил весьма авторитетный человек, которого Адвокат не мог послать как сывку в известное место с пожеланием более оттуда не возвращаться и не беспокоить дурацкими выходками. Пришлось сделать вид, что согласен подумывать, и тут же выдвинуть контрпредложение – пятнадцать процентов и не более того!

Александр Александрович жарко убеждал, что противник просто ждет халявы и блефует, Пак злился, а Малахов, верный своим привычкам, выжидал – надо потянуть, потянуть еще, посмотреть. Согласиться или отказаться всегда успеешь: незачем раньше времени лезть на рожон и дразнить голодных гусей!..

Сейчас они ждали очередного звонка по поводу предложений о доле чужого капитала в казино.

Телефон тихо заурчал и Снегирев снял трубку:

– Вас слушают? Да... Одну минуту. Вас, – он передал трубку Малахов и шепотом сообщил: – Они.

– Я у аппарата, – Борис Владимирович сделал Снегиреву знак взять отводной наушник. Тот буквально прилип к нему ухом. – Да, я помню, все помню. Но сейчас такое время... В общем, нужно посоветоваться, все взвесить. Пока мы не приняли решения отказаться от ваших предложений. Всегда заманчиво расширить дело, но нужно посоветоваться. Мне хотелось бы взять таймаут.

Александр Александрович одобрительно кивнул: шеф удачно вернул модное словечко.

– Сорок? – тем временем продолжал Борис Владимирович. – Естественно, это открывает широкие возможности, но тем более требует необходимости обсудить все «за» и «против»... Нет, не нужно меня убеждать, я прекрасно понимаю, за кем остается контрольный пакет, но и вы поймите меня правильно. Речь шла о пятнадцати процентах, а тут вдруг выплывает совершенно иная цифра. Давайте вернемся к нашему разговору через несколько дней и обсудим эти вопросы не по телефону... Да, всего доброго.

Бросив трубку он выразительно посмотрел на Корейца. Тот хищно оскалился:

– Скребутся? Мыши? Просятся? Как бы не так! Крысы! Выгрызают огромный кусок.

– Крысы, – согласно вздохнул Малахов и поморщился от боли в подреберье. – Кстати, Ленечка, аппаратик-то опять показывает, что разговор прослушивается. Ты, голубчик, прими меры, надоело мне это. Понял?

– Сегодня решу, – нахмурился Пак. – Притихли где-нибудь поблизости, радиус у аппаратуры не может быть большим.

– Чтобы больше этого не было, – Малахов тяжело поднялся. – Мне надоели эти шутки! И с нашими мышами или крысами тоже пора слегка разобраться. Подпалить хвосты!

– Я пошел? – Кореец посмотрел на часы. – А то могу не успеть.

– Иди, – милостливо разрешил Адвокат, и тут телефон вновь заурчал. Трубку снял сам Борис Владимирович.

– Это вы? – его лицо сразу побагровело. – По-моему, мы обо всем вполне цивилизованно договорились, не так ли? Что? Где будет встреча и переговоры? С вами свяжется Александр Александрович. Доброй ночи.

– Опять? – Пак остановился в дверях.

– Мать бы их... – отшвырнув телефон, выругался Малахов. – И снова кто-то висит на линии. Иди, Леня!

– Не стоит волноваться, – Снегирев встал и поддержал шефа под локоть. Обернулся к двери и позвал: – Сережа!

В гостиную заглянул дежурный телохранитель – крепкий парень лет тридцати.

– Не беспокойтесь, – усаживая Малахова на диван, ворковал Снегирев. – Сережа нас проводит и закроет двери, а потом поможет вам лечь. Не будем переживать раньше времени, все утрясется.

– Надеюсь на тебя, – похлопал его по плечу Борис Владимирович и дал знак телохранителю проводить гостей.

Через несколько минут Сергей вернулся и поинтересовался:

– Вы где ляжете, Борис Владимирович? В кабинете или в спальне?

– Пожалуй, в спальне, – решил шеф.

– Тогда я прикорну здесь, в гостиной. Приготовить пижамку?

– Не надо, – отказался Малахов. – Я так, в халате. Завтра, когда придет утречком экономка, скажи, чтобы сварганила легкий завтрак: молочную овсяную кашку, творожок там, чайку – и поставила на стол вазочку с лекарствами, не то опять забуду. А телефон переключи на автоответчик.

– Не беспокойтесь, Борис Владимирович, – заверил телохранитель.

Заботливо поправив завернувшийся воротник халата шефа, он незаметно прилепил ему на стойку воротника маленькую черную бусинку, которая, как репей, вцепилась в ворсовую ткань. У дверей спальни Адвокат отстранил Сергея, вялым движением руки дав понять, чтобы занимался своими делами.

Тот переключил телефон на автоответчик, покосился на закрывшуюся за шефом дверь спальни и включил телевизор, убавив звук до минимума – делать все равно нечего, а спать

не хотелось. Главное, нельзя пропустить момент, если хозяин вдруг встанет ночью по какой нужде: если он обнаружит тебя сонным, жди разноса.

В квартире было тихо. Едва слышно мурлыкал телевизор, мелькали на экране какие-то картинки, за окнами, закрытыми специальными жалюзи и светонепроницаемыми шторами, скрывавшими пуленепробиваемые стекла, сгустилась ночная темнота...

На ходу застегивая щегольское длинное черное пальто, Пак выскочил из подъезда и тут же увидел приземистый темный «форд», в котором лениво покуривали двое его бойцов. Рванув дверцу, Кореец плюхнулся на переднее сиденье рядом с водителем и жарко выдохнул:

– Ну?! Шеф уже потерял терпение!

– Засеки, – приминая в пепельнице окурки, отозвался один из подручных, сидевший сзади. – Сейчас Бриня подскочит.

– Вызовите фургон, – распорядился Леонид.

– Какой? – уточнили из душной, прокуренной темноты салона.

– Любой, хоть рафик, но побыстрее. И сделайте «Яшу»! Где Бриня?!

– Вот он.

Щупая дорогу светом фар, во двор медленно вполз старенький жигуленок: помятый, с пятнами шпаклевки на дверцах и капоте, словно покрытый камуфляжем. Из него выбрался неуклюжий человек в похожей на блин кепочке и стеганой нейлоновой куртке. Пак выскочил из машины и поспешил ему навстречу:

– Нашли? Где?

– Километра полтора, – Бриня развернул карту-схему города и показал место. – «Жигули-четверка», горчичного цвета, старая. А вот номерок.

Он сунул в ладонь Корейца клочок бумаги с несколькими цифрами и буквами. Мельком взглянув на него, Леонид в знак признательности хлопнул Бриню по плечу тяжелой ладонью и опять нырнул в салон «форда».

– В общем так. Он на Ленинградке, в районе кооператива «Лебедь», недалеко от моста через «железку» и «пьяного шоссе», ведущего к каналу и Тушино. Обкладываем как зверя и Яшку забрасываем вперед. Уйдет – головы отвинчу! Где фургон?

– Подходит.

– Связь с ним есть?

– Да. Яшка там.

– Хорошо, поехали!

Пак сунул в рот очередную сигарету, прикурил и жадно затянулся. Все разговоры о деньгах и процентах его только утомляли. Он понимал, что там решаются важнейшие дела, но пусть за них болит голова у Сашки Снегирева и самого Адвоката, а Лене Паку больше по душе действие, будоражащий кровь, дразнящий азарт погони и охоты за человеком. Вот его стихия!

Пока Бриня разворачивал свою старенькую колымагу, «форд» взревел мотором и вылетел со двора. Поворот, еще один, и под широкими шинами зашуршал асфальт Ленинградского шоссе.

– Где фургон? – не оборачиваясь, повторил Пак.

– Через пять минут будет ждать за светофором, у поворота на «Водное Динамо».

Душин торопливо сворачивал аппаратуру. День сегодня какой-то дурной, просто все валится из рук и никак не удастся с первого раза сделать то, что обычно занимает несколько минут. Хорошо бы, конечно, сейчас еще потихоньку сползть к дому Адвоката, выждать, пока там все успокоится, и снять установленное на линии в распределительном колодце миниатюрное передающее устройство. Именно оно и гнало на аппаратуру Левы Душина все сказанное

в квартире Малахова по телефонным проводам. Радиотелефоном перехватывать и записывать легче – эта техника у него тоже была, но ее он уже успел упаковать в спортивную сумку.

Неожиданно зазуммерил телефон сотовой связи. Левка чертыхнулся – кто там еще в самый неподходящий момент? Когда работа закончена, самое милое дело – побыстрее слинять, чтобы и следов твоих не осталось: разве только пятно-другое капнувшего на асфальт масла там, где стояла тачка. Дураков теперь нет, все имеют технику, а вычислить примерный радиус, с которого ведется прослушивание и запись переговоров, и при наличии людей и машин прочесать окрестности, постоянно сжимая круги, ничего не стоит.

Он нашарил за пазухой плоскую коробочку трубки и щелкнул тумблером включения:

– Слушаю!

– Лева? – раздался в наушнике голос Игоря Соболева. – Ты уходишь?

– Да, все! – раздраженно ответил Душин. – К дьяволу!

– погоди, – остановил его Игорь. – Через минуту я буду напротив булочной. Тормозни на секунду, перекинешь мне сумки. Лучше уходить чистым.

– Дело! – повеселел Лева и отключился. Теперь он скидывал аппаратуру в сумки навалом: Соболев потом разберется, сейчас время дорого.

Мотор не подвел – заурчал ровненько и надежно с первого же поворота ключа зажигания. Душин потихоньку тронулся с места, не забыв поглядеть в зеркальце. Пока ничего не вызывало тревоги: где-то далеко позади сиял огнями медлительный троллейбус, мимо со свистом проносились по широкому шоссе иномарки. В некоторых за рулем сидели женщины: это всегда вызывало у Левы приступы злобы и бессильной ярости – любую женщину за рулем он считал проституткой, уровень заработка которой определялся качеством управляемого ей автомобиля. Ладно, до булочной метров триста, не больше. Только бы Игорек не задержался!

Новенькую, словно прямо с витрины, светлую «девятку» Соболева Лева заметил издали и завистливо подумал: «Везет же некоторым. А тут всю жизнь горбатишься, рискуешь шкурой и все на «четвертом» старье шкандыбаешь. Семейка – одни разверзтые рты, как бездонные ямы. И сколько в них ни брось, все сгорает, как в топке паровоза. Где уж тут думать о «девятках»?»

Слегка притормозив рядом с машиной Игоря, он опустил стекло окна и одну за другой подал ему сумки. Тот принял их, небрежно забросил на заднее сиденье – ревнивый глаз Душина не преминул отметить, что оно еще затянуто блестящей, нигде не порванной толстой полиэтиленовой пленкой, какую ставили на заводе. Соболев приветственно помахал рукой и, неожиданно резко взяв с места, сразу вырулил в левый ряд. Проскочив метров сто вперед, он лихо развернулся в неположенном месте и белой тенью мелькнул мимо слегка ошалевшего от такого нахальства Левы, уходя уже в обратном направлении.

«Резвится, мальчишка, – неприязненно подумал Душин. – Хотя чего ему, когда сам себе голова?!»

Лева так никогда не ездил: к чему лихачить, особенно вечером, когда трасса достаточно свободна? Это днем – хочешь не хочешь, а иди со скоростью потока, иначе либо ты воткнешься кому-нибудь в задок, либо тебя «поцелуют». А сейчас ребята такие, что если даже и они виноваты, а гаишника, как всегда, поблизости не случится, могут от злости челюсть набок своротить и ребра пересчитать. Этого Душин очень не любил, поскольку всегда предпочитал работать головой, а не руками. Руками он умел паять, собирать хитрые радиоприборы, но никак не считать чужие ребра.

Потихоньку двигаясь в правом ряду, он с удовольствием закурил дешевую сигарету и даже начал мурлыкать какую-то песенку. Куда теперь спешить? Дело сделано, а домой успеется. Подумаешь: на полчаса раньше или позже вернется? Особой роли это не играло. Впереди уже показался мост через железную дорогу, за ним сиял огнями кинотеатр «Варшава» у метро «Войковская». Чуть левее темнел съезд на «пьяное шоссе» – так его прозвали за невероятное количество неожиданных крутых поворотов, ежегодно собиравших обильную дань жизней

поддатых лихачей. Особенно в гололед или осенью, когда асфальт толстым ковром покрывали мокрые опавшие листья.

Неожиданно впереди замигал светящийся жезл гаишника, приказывая остановиться. Сердце Душина нехорошо сжалось: он же ничего не нарушил? Неужели ни за что, ни про что придется расстаться с новенькой купюрой из-за того, что очередной Яшка, – как презрительно прозвали водители сотрудников ГАИ, – вышел на ночной промысел? Или не останавливаться?

«Но это же гаишник! – успокоил себя Лева. – Побазарит и отвяжется, все равно придраться ему не к чему».

Мимо все так же проносились «Волги» и иномарки, шустро проскакивали юркие жигуленки, а далеко позади успокаивающе мирно мерцали огни троллейбуса, подруливавшего к остановке.

Душин прижался к бордюру и остановился, но мотор не выключил и из машины не вышел: если Яшке нужно, пусть сам к нему тащится. И тот не заставил себя ждать. Средних лет, в помятой заношенной форме и замызанной куртке с давно потерявшими цвет погонами, он не спеша направился к машине Левы, по-хозяйски похлопывая жезлом по голенищу сапога. Душин опустил стекло и миролюбиво спросил:

– В чем дело, командир?

Гаишник сначала поглядел на передний номер, покрытый грязью, потом недовольно спросил:

– Чего крадешься, как нищий по обочине? Выжрал, что ли?

Он слегка наклонился и подозрительно втянул широкими ноздрями воздух в салоне. От Яшки пахло крепким табаком и дешевым одеколоном. Морда его показалась Лева прото-кольно-скучной, но не злой. По всему выходило, что на «трубу», для определения трезвости гаишник его не потянет, а ограничится небольшим базаром и отвяжется.

– Я, как стекло, командир! – угодливо улыбнулся Лева. – За рулем ни-ни!

– Права давай, «стекло», – Яшка требовательно протянул руку и неожиданно быстро и сильно ткнул Душина растопыренными пальцами в глаза.

Лева взвыл от жуткой, режущей боли. Ему показалось, что он вообще ослеп, но тут дыхание перехватило от нового ловкого удара по шее. Душин обмяк и кулем повалился на баранку. Яшка быстро распахнул дверцу и с помощью двух подскочивших парней вытащил Леву из машины. Все произошло так быстро, что никто из проезжавших мимо не обратил на случившееся никакого внимания.

Фыркая мотором, задним ходом подкатил небольшой фургончик, его двери распахнулись, и Лева очутился внутри, брошенный на покрытый ковриками пол, как куча тряпья, напрочь лишенная костей. За руль его машины быстро уселся один из парней и погнал ее совсем не туда, куда собирался ехать Душин – не через мост к «Войковской», а на пресловутое, слабо освещенное «пьяное шоссе»...

Почувствовав на лице мокрое и холодное, Лева с трудом разлепил огнем горевшие веки. Все перед глазами плыло и качалось, в голове гудело, словно в трансформаторной будке, и сквозь этот гул дошли резкие слова:

– Куда дел свои шарманки?

Душина встряхнули и посадили, прислонив спиной к сиденью. Сквозь тонированные стекла фургона было видно, как мимо медленно проплыл так успокаивавший Леву троллейбус, сияющий огнями полупустого салона. О, чего бы он сейчас только ни отдал, чтобы оказаться там, в салоне троллейбуса, а не здесь!

– Я спрашиваю, где твои шарманки? – недовольно повторил все тот же голос. – Успел передать? Где второй, на белой «девятке»? Где его найти, кто он?

Душин тяжело помотал головой и поглядел на спрашивавшего. Боль в глазах немного прошла и он увидел – правда, сквозь пелену постоянно набегавших слез и какие-то плавающие

черные пятна – плотного молодого мужчину в черном пальто, устроившегося на сиденье позади водителя. Лицо его было каким-то немного странным: то ли глаза раскосые, то ли татарин, а может быть, так кажется после того, как чуть не оставили слепым?

– Ты меня слышишь? – мужчина в черном пальто закурил сигарету. – Не прикидывайся глухонемым. Куда ушла белая «девятка»? Отвечай!

– М-м-м... Не знаю, – с трудом ворочая непослушным языком, промычал Лева. Он уже понял, что влип в очень дурную историю и, наверняка, попался тем, кого он подрядился прослушивать. Хорошо еще Игорек успел забрать у него аппаратуру, не то каюк! А так есть шанс выкрутиться.

– Знаешь, – засмеялся мужчина в черном пальто. – Знаешь и расскажешь. Куда тебе теперь деваться? Все расскажешь.

– Мне нечего говорить, – с трудом выговаривая слова, попытался ответить Душин. – Это ошибка, страшная ошибка. Отпустите меня, я никому не буду рассказывать.

– Врешь, расскажешь, все расскажешь! – чуть подался к нему мужчина. – Мне ты все расскажешь. Я Леня Пак!

Это имя Лева слышал не раз и потому почувствовал, как внутри у него все задеревенело от страха...

Разворачиваясь, Соболев молил всех богов лишь об одном – только бы не нарваться на какого-нибудь лихача, на бешеной скорости летящего по свободной трассе к «Речному вокзалу» и дальше, на Питер. Сейчас у многих сильные импортные тачки с мощнейшими движками – скорости аховые, лишь свистит, когда проскакивают мимо. Столкнись с таким – и мигом очутишься на небесах, а туда Игорек не торопился. Однако обошлось, и, ерзая от нетерпения, Соболев погнал «девятку» мимо бывшего магазина «Речник», а потом, почти не снижая скорости, резко свернул во двор и проскочил через узкий, едва заметный в темноте проезд. Здесь он почувствовал себя уже в относительной безопасности.

Бешено вертя баранку, он лавировал между огромными железными мусорными баками и детскими площадками и вскоре очутился в соседнем дворе. Там, показав чудеса фигурного вождения, он вырвался сквозь подворотню на улицу, пересек ее и опять нырнул в темноту дворов. Еще несколько минут – и показался огромный трейлер, на прицепе которого в два этажа стояли новенькие машины. Соболев еще больше повеселел и лихо притормозил прямо у кабины трейлера. Из нее шустро выскочили два мужика. Один держал в руке отвертку, а другой – большое ведро. Они моментально сняли с «девятки» Игоря номера и несколько раз окатили ее грязной водой из лужи.

– Все при тебе? – небрежно забросив снятые номера в салон, спросил первый мужчина.

– Да-да, – возбужденно подтвердил Соболев.

– Ложись на пол у переднего сиденья и ни гу-гу!

Дважды повторять не пришлось. Игорь нырнул в «девятку» и скорчился на полу. Лязгнули замки, откинулись узкие борта, и мужики, матерясь и крикая, вкатили «девятку» на свободное место – последней в нижнем ярусе. Заперли двери, накинули на машину рваный полиэтилен, защелкнули замки. Через минуту заурчал дизель, и огромный трейлер, неуклюже разворачиваясь, выполз на улицу...

– Ее нигде нет, – сипела рация в руках Пака. – Мы все обшарили.

– Ищите! Прочешите всю трассу! – настаивал Кореец...

А Соболев тем временем ехал лежа на полу «девятки», качавшейся на ярусе трейлера, который пер по Ленинградке к центру, чадя выхлопами мазута и натужно ревя дизелем. Мимо в обе стороны проносились легковушки, в том числе с бойцами Пака, но никто из них не мог даже заподозрить, что разыскиваемая ими белая «девятка» стоит на эстакаде дизельного мастодонта.

Улыбаясь в ответ на свои мысли, Игорь нашарил за пазухой трубку телефона сотовой связи. Извернувшись, улегся на спину и набрал номер. Несколько долгих, показавшихся томи-тельно долгими, гудков, и хриплый голос ответил:

– Морг.

– Анзора попросите к телефону, – сейчас Игорь был сама вежливость.

– Щас погляжу, – пообещал обладатель хриплого голоса и наступила тишина. Но вот трубку взяли вновь:

– Слушаю.

– Анзорчик? – На всякий случай переспросил Соболев и, получив подтверждение, ска-зал: – Сегодня! Ты понял?

– Я все понял, дорогой, – заверил Анзор. – Не волнуйся.

Спрятав телефон, Игорь блаженно прикрыл глаза, попытался расслабиться и хоть немного вздремнуть, чтобы восстановиться: сегодня пришлось изрядно понервничать. Но теперь все покатится дальше без его участия, и грех не использовать момент, поскольку пилить ему взаперти еще не меньше часа...

Анзор повесил трубку и обернулся к стоявшему рядом грузному лысому мужчине в несвежем белом халате с закатанными рукавами, поверх которого у него был надет длинный клеенчатый фартук с темными подтеками.

– Слушай, Степаныч, ты тут один покрутишься часок-другой?

– Опять бабские дела? – вытряхивая из мятой пачки «Приму», беззубо осклабился пожи-лой санитар. – Ладно, дуй! Но с тебя причитается!

– Вах! Какой разговор? – Анзор весело прищелкнул пальцами. – Конечно, дорогой, конечно! Только ты это...

– Молчок, – солидно кивнул Степаныч. – Будь шок!

Быстро пробежав по коридору мимо холодильников с телами и привычно не обращая внимания на каталки со «свеженькими», стоявшие вдоль стен, – он вообще не любил смотреть на них, особенно раздражали намалеванные Степанычем грубые фиолетовые номера на сине-ватых бедрах, и бирки, привязанные к большим пальцам ног, – Анзор добрался до бытовки, скинул халат, переоделся и, перепрыгивая через две-три ступеньки, поднялся из подвала мерт-вецкой во двор больницы. Поеживаясь под летевшей с темного неба моросью, – не то холод-ный дождь, не то мелкая снежная крупа, тающая, не успев достигнуть земли, – санитар отыс-кал свою машину, скромно приткнутую около мусорных баков, открыл дверцу, сел за руль и начал прогревать мотор. Скоро в салоне стало тепло и он включил магнито-лу – из динамиков рванулись торжественно-просветленные звуки хоралов Баха: современную музыку Анзор слу-шать не любил. Медленно выезжая со двора, он вдруг вспомнил, как его хороший знакомый по фамилии Молибога однажды глубокомысленно заметил, когда они заговорили о современной музыке:

– Тут ты, Анзорчик, несколько недопонимаешь. Рок – это хорошо, поскольку он отвле-кает молодежь от политики. Беда только в том, что наши дубоголовые правители пропустили момент, когда рок сам начал становиться политикой...

Да, Алексей Петрович Молибога – мужик заметный, с юмором и много повидал в жизни. Поговорить с ним на разные темы иногда весьма интересно, но сейчас нужно думать о другом.

Машина выскочила на Ленинский. Развернувшись, Анзор погнал к «Октябрьской», миновал светлый уродливый куб здания МВД и покатил по Якиманке, стараясь не превышать скорость и не нарушать правил движения – гаишников здесь, рядом с их родовым гнездом, хоть пруд пруди, а терять время и деньги при объяснениях с ними не входило в его планы. Не доезжая до кинотеатра «Ударник», он свернул на набережную и вскоре выехал на Пятницкую, где снимал квартиру в перестроенном после капитального ремонта доме.

Оставив «жигули» во дворе, Анзор поднялся к себе и взял заранее приготовленные две большие тяжелые сумки. Расстегнув молнию одной, он вытащил свитер, теплое белье, шерстяную шапочку и непромокаемый комбинезон с капюшоном. Быстро переоблачившись, забросил сумки на плечо, спустился вниз и через несколько минут опять сидел за рулем, держа путь на Ленинградку...

Магнитола щелкнула, орган смолк, автореверс перевел кассету на новую дорожку, и полилась музыка Вивальди. Анзор вел машину уверенно, по знакомому маршруту. Он все хорошо заранее изучил и теперь ничуть не волновался: беспокоило лишь одно – только бы сегодня не сорвалось! Всегда лучше сделать дело сразу, иначе потом неизбежно начинают возникать разные мелкие неурядицы, и в результате все идет наперекосяк или вообще ничего не получается. Поэтому пусть сегодня ему сопутствует удача!

Свернув направо перед «Речным вокзалом», он проехал несколько кварталов, потом вновь свернул в темный проулок и остановил «жигули» в заранее присмотренном тупичке между домами – здесь автомобиль со стороны трудно заметить, зато, выезжая, он мог выбрать целых три или даже четыре маршрута, если учитывать дорогу по кольцевой. Пока все шло как нельзя лучше. Взвалив на плечо сумки, низкорослый, жилистый Анзор запер машину и отправился дальше пешком.

Миновав проходной двор, он пробрался через дыру в заборе на территорию очередного, давным-давно замороженного долгостроя. Здание зияло пустыми провалами окон, но его успели подвести под крышу – плоскую, залитую черным гудроном, а внутри имелись лестницы. Правда, без перил, однако это обстоятельство Анзора ничуть не смущало. Он смело влез в окно, подсвечивая себе под ноги синим фонариком, отыскал лестницу и поднялся на крышу.

Погода не радовала, но выбирать не приходилось. Осмотревшись, он определил нужное место, расстелил на мокром гудроне кусок брезента и бережно поставил на него вторую сумку. Расстегнув ее, достал специальный прибор ночного видения и проверил его работу, наведя на стоявший напротив жилой дом – до него было не больше сотни метров. Лучшего и желать нечего. Следом из сумки появился приемник. Анзор повесил его на грудь и сунул в уши миниатюрные наушнички. Присоединил их к приемнику и прислушался – наушники молчали. Удовлетворенно усмехнувшись, санитар вынул лазерный прицел и обмотанный черными тряпками автомат АК-47. Умело присоединив прицел к оружию, Анзор лег на брезент и, приложив приклад к плечу, поймал темным глазом в перекрестье прицела одно из окон стоявшего напротив жилого дома. На стекле отразилось маленькое розовое пятнышко.

Перевернувшись на бок, он пошарил в сумке, вытащил рожок «магазина» и коробку с патронами. Снаряжая «магазин», обратил внимание на несколько странную конфигурацию головки пуль – разрывные, что ли? Или специально подпилены для увеличения убойной силы? Хотя, кажется, его предупреждали об этом, как и о том, что стрельба очередями крайне нежелательна: все следовало решить только одной пулей, по-снайперски. Что же, постараемся, лишь бы не подвели техника и неизвестный напарник.

Кто он, тот, что взялся помочь в столь страшном и опасном деле? Зачем ему это – деньги очень нужны, ненависть сильно одолела или не осталось иного выхода, кроме как предать? Впрочем, какая разница, главное, лишь бы помощник не спасовал в последний, решительный момент. А дальше его судьба в его руках – Анзор никогда не видел этого человека, ничего о нем не знал, и не желал ничего знать: у каждого своя дорога в жизни, и совершенно не обязательно собираться на ней в случайные компании.

Присоединив снаряженный «магазин» к автомату, он передернул затвор, загнал патрон в казенник и поставил оружие на предохранитель. Поправил наушники, натянул на голову капюшон, поудобнее пристроил прибор ночного видения, переложил в боковой карман радиотелефон и лег на брезент, прикрыв глаза, чтобы дать им отдохнуть. Его руки в тонких кожа-

ных перчатках на меховой подкладке уверенно держали оружие. Все приготовлено. Оставалось набраться терпения и жать столько, сколько потребуется...

Плотно прикрыв дверь спальни, Борис Владимирович тут же сбросил маску всеведующего и всезнающего босса и словно разом постарел на десяток лет, превратившись в пожилого, больного и откровенно испуганного человека. Ему хотелось хоть немного расслабиться, когда никто не сможет увидеть выражения его лица, и мысленно обсудить с самим собой ситуацию – без ложного фанфаронства, пустых поз, угроз в адрес противников и лицемерия по отношению к союзникам. Ну их всех! Хорошо бы хоть ненадолго отрешиться от докучавших дел и отдохнуть, поправить здоровье, да разве дадут вырваться из заколдованного круга? Когда-то он сам смело шагнул в него, не задумываясь над смыслом старой присказки, что вход стоит рубль, а выход – сотенную? А потом, поднимаясь все выше и выше по скользким от крови ступеням власти в незримой и страшной криминальной империи, он вступал внутрь все более тесных и тесных кругов, где вход и выход оценивались уже совершенно по-иному. Чего уж теперь...

Не зажигая свет, он прошаркал к широченной, застеленной пуховым одеялом кровати и, скинув тапочки, повалился на нее, подсунув одну подушку под голову, а другую под правый бок: может, хоть так немного полегчает? Что-то все эти хваленые импортные патентованные лекарства, широко известные во всем мире, не очень ему помогают. Впрочем, они могут быть не рассчитаны на людей, много лет хлебавших тюремную баланду и считавших верхом наслаждения шашлык из воробышков...

Случалось, болезнь надолго отступала, он веселел, устраивал шумные пирушки для приближенных, и тогда по ночам это ложе делили с ним роскошные женщины, считавшие за счастье служить ему, всесильному Боре Малахову, хозяину процветающего комплекса казино «Бон Шанс», где только за входной билет полагалось отдать приличную сумму в твердой валюте.

Со временем к женщинам он становился все более и более равнодушен – возраст и болезни брали свое, хотя иногда ретивое разыгрывало так, что в казино потом несколько дней шептались по углам. Однако сейчас не до воспоминаний о прекрасных гуриях...

Спать совершенно не хотелось, и Борис Владимирович стал раздумывать над создавшейся ситуацией. Того, кто так настойчиво стремился проникнуть в его налаженный и крайне прибыльный бизнес, он знал лично, поэтому был полностью уверен – Чума не отвяжется! Он вновь и вновь начнет выходить к нему с разными предложениями, отыскивая лазейку – вернее, требовать пустить его к лакомому куску пирога, – а когда его терпение иссякнет, или он убедится, что уговоры напрасны и безрезультатны, перейдет к открытым военным действиям. Кстати, Чума имел в мире Малахова еще одну характерную кликуху – «Молотов», полученную скорее всего за настырность, умение «сохранять лицо» даже в самых неприятных и непредвиденных обстоятельствах, способность добиваться компромиссов на желаемой им основе и собачью преданность более сильным вожакам, как некогда его тезка был предан своему хозяину. Кстати, преданность и предательство, кажется, от одного корня?

Впрочем, все могло быть значительно проще – уголовный мир не столь умен и затейлив на выдумки, как сам пытается это представить, и какой-нибудь «умник» мог прозвать Вячеслава Михайловича Чумакова «Молотовым» только за полное сходство в имени и отчестве с министром иностранных дел сталинского времени. Но, как бы там ни было, Чума, он же Чумак, он же Молотов, просто так не отвяжется, и надо ждать новых, неожиданных ходов с его стороны. Противный малый! Он был моложе Бориса Владимировича, не признавал старой дружбы, плевать хотел на авторитеты и нахраписто пер напролом.

Да разве один Чума сейчас такой? Империи и огромные могучие государства рушились и распадалась не раз, когда сдвигались гигантские пласты истории. На памяти Бориса Владимировича его теневой мир, его криминальная империя тоже не раз делилась и рушилась, раз-

рываемая кровавыми внутренними междоусобицами. Хотя бы в период революции, а потом после ликвидации нэпа. Этого, правда, Малахов не застал, но некоторые послевоенные дела помнил, а сейчас и говорить нечего. Видно, скоро наступит время, когда авторитеты – «воры в законе» – перестанут играть главенствующую роль, а все начнет распределяться по национально-территориальному признаку.

Малахов перевернулся на спину и уставился невидящими глазами в потолок: нужны ли этому доказательства? Сколько «жоржиков» из Закавказья жировало на просторах России и благовало в столице! А потом пошло-поехало, когда начался распад Союза, а с ним и неизбежный раздел сфер влияния в криминальных сообществах. Вот тебе, пожалуйста, в офисе малого предприятия «Водолей» чеченские боевики расстреляли из автоматов Амирама Квантришвили и самарского авторитета Федю Бешеного. Несколько раньше погиб в Грузии убитый милицией отчаянный Толя Бец, носивший кличку Котовский. «Жоржики» сами его «сдали» и подвели под автоматы ментов. Война разгоралась не на шутку: тяжело ранили одного из старейших закавказских авторитетов Авила, а потом в Тбилиси из автоматов расстреляли известного «вора в законе» Джамала Микеладзе по кличке Арсен. А вскоре в машине в подмосковном Зеленограде нашли лежавших с простреленными головами молодого грузинского вора Гогу Пипия и его брата, связанных с Арсеном.

У дверей своей квартиры на Осеннем бульваре в Москве убили директора фирмы «Варус-видео» Томаза Топадзе и его племянника Георгия Ильнадзе, работавшего у дяди консультантом. У Краснопресненских бань тремя выстрелами отправили в мир иной знаменитого Отари Квантришвили, потом ранним утром расстреляли в собственной квартире вместе с женой и ребенком известного вора Квежо – Автандила Чиквадзе. Не пощадили даже почти семидесятилетнего авторитета Гайка Геворкяна по кличке Гога Ереванский. А сколько еще легло в землю и с той, и с другой стороны? Страшно вспомнить!..

Опасаясь покушений и непредвиденных разборок, Борис Владимирович установил на окнах своей квартиры специальные стекла, завел импортные жалюзи и светонепроницаемые шторы. Снегирев обеспечил его круглосуточной вооруженной охраной. Но разве не было ее у Отари? Чем больше процветало и давало доход казино, тем чаще Малахов непроизвольно втягивал голову в плечи, выходя из автомашины или входя в подъезд – так и чудилось, что вот-вот, сейчас клонет в спину или затылок свинцовая пчела. Но обходилось, и все, вроде бы, шло вполне мирно и спокойно, – не считая обычных мелких дразг, – пока не выплыл вдруг со своими наглыми предложениями-требованиями Славик Чума!

Истинную цену всем сборкам и толковищам, съездам воров и третейским судам авторитетов Малахов знал давно и теперь напряженно искал способ, как избавиться от настырного Чумы-Молотова. Может, потянуть, выдвигать разные условия и оговорки, а тем временем встретиться с человеком с набрякшими веками и вместе со Снегиревым обсудить создавшееся положение?

Борис Владимирович откинул подушки и рывком сел: чего опять лицемерить, чего тут обсуждать?! Пора нанимать надежного киллера или поручать это дело Леньке Паку. Только так можно разрубить узел, завязанный неугомонным Чумой! Он же не отстанет, особенно если кто-то, пока неведомый, постоянно подталкивает его, пиная в загривок. Все, решено! Утром он переговорит с Сашкой Снегиревым, и Пак получит новое важное задание.

На душе сразу стало легче, но зато вновь вцепилась боль в подреберье. Дьявол ее раздери, вроде, не позволял себе ничего такого, что могло привести к обострению, даже спиртного в рот не брал. Борис Владимирович нашарил ногами тапочки, поднялся с постели, осторожно приоткрыл дверь и выглянул в гостиную.

Телохранитель, сидевший в кресле напротив телевизора, тут же встрепенулся и вопросительно поглядел на него:

– Что-нибудь нужно, Борис Владимирович?

– На кухне, в холодильнике «Смекта». Принеси, а то покоя не дает... Хотя я сам, не надо.

На экране телевизора мелькали кадры какого-то зарубежного фильма: сейчас их только и крутят. Днем без конца сериалы, по ночам боевики и детективы. На телевизор у Малахова времени не хватало, только изредка он мог позволить выкроить час-полтора и посмотреть по видео нашумевший в мире фильм, но искусство кино его занимало мало.

«Хорошо бы устроить все так, чтобы Чуму пришибли другие его конкуренты, – шаркая на кухню, думал Борис Владимирович. – Надо Сашку Снегирева настрополить, он дока в таких делах. А мы, вроде, окажемся ни при чем, но деньги на дело можем выцелить. Чего уж в таких случаях скупердяйничать? Но сроку на то, чтобы убрать Славку, больше недели отпускать никак нельзя. Никак!»

Тенью следовавший за ним телохранитель незаметно опустил руку в карман и нащупал маленькую коробочку с кнопкой. Ладонь стала мокрой от нервного напряжения – нажмешь, обратного хода уже никогда не будет. Хотя его и сейчас уже нет. И он нажал на кнопку.

– Зажечь свет, Борис Владимирович? – войдя на кухню и остановившись у дверей, спросил Сергей.

– В городе никогда не бывает темно, – ворчливо ответил Малахов.

– У нас светонепроницаемые шторы и жалюзи, – напомнил телохранитель.

– Не важно, – буркнул Адвокат. – И так найду.

Он подошел к огромному японскому холодильнику, стоявшему в проеме у окна, и открыл его дверцу, бормоча что-то о ненавистных болячках, прилипчивых, как чума. Слабый свет внутренней лампочки холодильника высветил его слегка горбоносый профиль и прядь изрядно поседевших волос, небрежно упавшую на лоб.

– Где же она, – недовольно проскрипел Борис Владимирович. – Вроде, была здесь?

С замирающим сердцем телохранитель Сергей Клариков вновь опустил руку в карман и трижды нажал кнопку...

Услышав в наушниках зуммер сигнала, Анзор встрепенулся и приник к прибору ночного видения, наведя его на окна жилого дома. За одним из них мелькнули неясные тени. Мелькнули и пропали – впечатление такое, словно он смотрел мутный, плохо проявленный фильм-негатив. Получится ли все? Те, кто учил его обращаться с техникой, уверяли, что все получится как нельзя лучше.

Анзор снял автомат с предохранителя и положил палец на спусковой крючок – раньше он был призовым стрелком и промаха не опасался: лишь бы видеть цель!

В ушах резко прозвучали три зуммера сигналов, принятые висевшим у него на груди приемником. И Анзор вдруг увидел цель! Через усиленные, сверхпрочные стекла, импортные жалюзи и светонепроницаемые шторы он различил неясный силуэт человека, согнувшегося около какого-то шкафа или холодильника. Скорее всего, около холодильника, поскольку на фигуру падала подсветка внутренней лампочки. А на воротнике человека яркой ало-желтоватой точкой светилась крохотная звездочка, словно притягивая к себе лазерный целеуказатель. Когда почти невидимый лучик лазерного прицела коснулся ее, она будто вспыхнула бенгальским огнем, беззвучно крича – бей сюда, сюда! Я здесь!

Анзор медленно повел стволом чуть выше и правее – туда, где неясно виднелся силуэт головы, и, тщательно прицелившись, плавно нажал на спуск. Сухо стукнул выстрел. Заранее надетый на затвор эластичный нейлоновый мешочек мягко принял выброшенную гильзу...

Хлопнуло, будто открыли бутылку шампанского, и Малахов с громким стуком осел на бок, словно рассыпался-раскатился развязавшийся мешок с картошкой. Клариков испуганно замер, боясь шевельнуться. Наконец он сделал шаг вперед и вытянул шею, чтобы лучше видеть.

Из неплотно прикрытой дверцы холодильника падал слабый свет на распростертую на полу фигуру Бориса Владимировича. Вернее, на то, что еще секунду назад было всеильным Борисом Владимировичем Малаховым по кличке Адвокат – задней части черепа у него просто не стало. Там масляно и жутко блестело кровавое месиво, и Кларикова чуть не стошнило от омерзения и страха. Никаких сомнений – шеф мертв! Чуть заметный сквознячок легко шевелил светонепроницаемую штору на окне, а из дырочки, оставленной пулей, пробившей усиленное стекло, тонко тянуло сырым холодком. И этот легкий холодок показался Сергею вестником загробной жизни, пришедшим из неведомых, потусторонних миров, напоминанием о быстротечности всего земного.

Он вдруг вспомнил: нужно подать неизвестному киллеру сигнал, что покушение удалось и хозяина казино больше не существует. Телохранитель торопливо опустил руку в карман, нащупал роковую коробочку с кнопкой, хотел нажать ее и вздрогнул, пораженный внезапно пришедшей ему в голову мыслью – а вдруг его сигнал послужит для наводки ствола киллера на другую, уже новую цель? И этой целью станет не кто иной, как он, Сергей Клариков? Невидимый радиосигнал долетит до засады убийцы, тот передернет затвор и даст веером очередь по всей кухне, чтобы оставить там лишь кусочки человеческого мяса, щедро нашпигованного свинцом... Кому нужны лишние свидетели? Мертвые всегда молчат и точно никому ничего не разболтают! Пусть потом найдут в кармане убитого телохранителя, валяющегося рядом со своим шефом, миниатюрное устройство радиомаячка: на доброе здоровье! Кто дал ему эту коробочку с кнопкой, покойник уже никогда не признается. Что делать? Что?!

Медленно, страшно медленно, боясь сделать хоть одно резкое движение, Сергей попятился и шустро юркнул за угол, в коридор – здесь несущая опора дома, стена толстая, даже пушкой не прошибешь. Вытащив из кармана коробочку, показавшуюся ему зловещим пропуском в ад, он лег на пол, вытянул руку с коробочкой по направлению к кухне и, слегка выставив ее из-за угла, пять раз подряд нажал на кнопку: это был условный код.

Каждое движение пальца, вдавливающего кнопку в корпус, вызывало невольную нервную дрожь, и он ждал рокота очереди или тупого шлепка пули в стену, за которой прятался, но... ничего не произошло. Обратной связи со снайпером не было – с его стороны только прилетали пули. Однако он не стрелял. Немного выждав и осмелев, Клариков выдвинул руку дальше и снова подал сигнал – сейчас ему уже хотелось узнать: угрожает ли опасность его собственной жизни? И опять тишина.

Тем не менее он решил больше не проводить рискованных экспериментов и остался в коридорчике, ведущем в кухню. Теперь о том, чтобы вздремнуть, не могло быть и речи. Выкуривая одну сигарету за другой, телохранитель сидел, привалившись спиной к стене, и тупо глядел на медленно ползущую по циферблату наручных часов минутную стрелку. Ужасно хотелось выпить стакан водки, а еще лучше – два и забиться в какую-нибудь щель, но впереди еще были важные дела и, самое главное, неизбежная встреча с Паком и Снегиревым: дышать на них перегаром – смерти подобно. И так придется вертеться как ужу под вилами.

Насколько велико терпение киллера, сколько он еще будет ждать и, главное, будет ли? Этот вопрос ужасно волновал Сергея, а ответа на него не было. Наконец, просидев почти до четырех утра, он решился ползком выбраться на кухню. Свет не зажигал, боялся пользоваться даже зажигалкой, однако пришлось – иначе как найти и снять с халата убитого похожий на черную бусинку маячок?

Малахов являл страшное зрелище. Преодолевая страх и брезгливость, телохранитель одной рукой чиркнул зажигалкой, а другой начал шарить среди сгустков крови и осколков костей, упорно отыскивая то, что вечером прилепил к стойке воротника халата ныне покойного шефа.

– Эк его размолотило, – подбадривая себя, бормотал Клариков. – Неужто разрывной? Да где же эта проклятушая штука?

На поиски маячка ушло почти полчаса. За это время он дважды прерывался и отползал назад отдышаться и перекурить. На измазанные кровью пальцы уже не обращал внимания. И вот победа – бусинка лежала на ладони.

В ванной он тщательно вымыл ее, выскоблил щеткой руки и мокрой тряпкой протер раковину и потом щеткой вычистил свою одежду. Взяв старую газету, положил на нее коробочку с кнопкой и бусинку, прикрыл сверху другим газетным листом и с остервенением начал топтать каблуками. Раздался тонкий хруст: электроника не выдержала бешеного напора. Свернув все в ком и проверив, не осталось ли осколков, Сергей осторожно приоткрыл крышку мусоропровода – дом был старой постройки и люк мусоросборника находился прямо на кухне. Мгновение – и ком с раздробленными в прах уликами полетел в черную вонючую темноту. Теперь можно вздохнуть свободнее.

В гостиной телохранитель подошел к телефону и, немного подумав, набрал номер Пака – как ему казалось, с ним несколько легче разговаривать, чем с вечно подозрительным Снегиревым.

– Добрый вечер, с вами говорит автоответчик, – раздалось в наушнике после пары долгих гудков. – К сожалению, сейчас никто не может подойти к телефону. Оставьте ваше сообщение. Включаем запись. Говорите...

– Срочно позвони шефу, – срывающимся голосом сказал Сергей. – Сейчас на моих часах три пятьдесят восемь.

Раз Корейца не оказалось на месте, – кто знает, где и по каким делам его носит, а может быть, просто отключил телефон? – пришлось позвонить Снегиреву, но по его номеру шли только долгие гудки: Александр Александрович ночью предпочитал отдыхать, даже не включая автоответчик. Для дел наступит утро...

Услышав условные пять зуммеров, Анзор удовлетворенно усмехнулся – дело сделано! В прибор ночного видения плохо разберешь, что там творится, но раз дают сигнал, значит, порядок. Шлепать того, кто наводил на цель, у Анзора приказа не было, поэтому он быстро собрал снаряжение, разрядил и спрятал оружие, скатал брезент, уложил все в сумки и спустился с крыши.

Машина терпеливо ждала его именно там, где он ее оставил. Забросив сумки в багажник, Анзор включил магнитола, вновь поставив записи Баха, и медленно выехал из тупичка. Он решил убраться отсюда другой дорогой – правда, придется немного поплутать по переулочкам, потом проехать по кольцевой и свернуть на Дмитровское шоссе. Зато очень удобно: оно выведет на Садовое кольцо, а там до Пятницкой подать рукой. Разгрузиться, быстренько умыться и переодеться, а потом опять за руль – нельзя оставлять Степаныча долго томиться в одиночестве...

Глава 2

В ожидании старого приятеля Петр быстренько накрыл на стол, решив устроить маленькую вечеринку по-домашнему, на кухне. Достал рюмки и стаканы, бутылку водки, открыл несколько банок с консервами, нарезал сыр. А мысли все вертелись вокруг того, как они встретятся с Юри – ведь прошло больше полутора десятков лет с той поры, как они виделись в последний раз. Да и то виделись мельком, перекинулись всего двумя-тремя словами: оба страшно торопились, а Ояр вообще никогда не был расположен к сантиментам и, кроме всего прочего, любил подшучивать, даже когда речь шла об очень серьезных вещах. Меркулову иногда казалось, что его приятель предпочитает жить легко, как бы скользя по поверхности тонкого льда, даже в опасных ситуациях, не принимая их близко к сердцу. И вообще, ничего близко к сердцу не принимая, что бы ни случалось вокруг. И то, что Ирина когда-то предпочла ему Петра, он тоже воспринял как-то отстраненно легко – или так просто казалось, и все скольжения Ояра, подобного человеку-нейтрину, проходящему сквозь время и обстоятельства, не задевая их и не позволяя им коснуться себя, являлись не более чем привычной маской? Черт его знает?!

Услышав звонок в дверь, Меркулов заторопился в прихожую. Ояр – в клетчатой кепке и кожаной куртке – еще за порогом широко раскинул руки для объятий и чуть ли не прыгнул на рослого Петра, прижавшись мокрой от снега – от снега ли? – щекой к его плечу, и крепко хлопнул ладонями по широкой спине приятеля. Потом отстранился и, как ни в чем не бывало поглядев на Меркулова снизу вверх – Юрий был почти на голову ниже, – спокойно сказал:

– Привет! Тапочки дашь или можно в ботинках? В московских домах любят предлагать гостям тапочки.

– Проходи так, – буркнул Петр, помогая ему снять куртку. Вешалки у нее не оказалось, и он повесил кожанку гостя на стул в комнате.

– О, все как в добрые старые времена, – проходя на кухню, заметил Ояр. – Руки можно вымыть?

Петр проводил его в ванную и, пока Юрий тщательно смывал с ладоней грязь, исподтишка разглядывал старого приятеля. Пожалуй, постарел, появились нездоровые мешки под глазами, около тонких, язвительных губ залегли жесткие складки, но по-прежнему торчат поседевшие вихры над высоким, уже покрытым морщинами лбом и глаза смотрят лукаво, словно в них притаились маленькие голубые чертенята. И все тот же стиль в одежде: черные башмаки хорошей кожи, темно-серые шерстяные брюки, вязаный жилет и голубая рубашка, перехваченная у ворота традиционным «приевите» с кусочком желтоватого янтаря – он и раньше предпочитал носить вместо галстука тесемку с национальным узором, как бы нарочито подчеркивая свое прибалтийское происхождение.

– Ты тоже не стал моложе, – перехватив в зеркале взгляд хозяина, подмигнул гость. – Ну, води за стол.

Перед тем как сесть, Ояр осторожно откинул край занавески на окне и выглянул на улицу:

– Это окно во двор? Хорошо, можно присматривать за машиной. Наливай, выпьем по рюмочке, а потом покажу тебе свою «лайбу». Заодно поможешь перетащить сумки. Ты же обещал приютить меня на пару дней. Или передумал?

– Нет, оставайся, – Петр разлил водку в рюмки. – За встречу!

– За встречу, – эхом повторил Ояр, залпом выпил и, запихнув в рот кусок сыра, выскочил из-за стола. – Пошли за сумками, а то не смогу сидеть спокойно. Вдруг утянут чего.

Меркулов молча оделся, взял ключи от квартиры и вместе с Юри вышел во двор. Остановившись у парадного, Ояр начал вертеть головой во все стороны, словно кого-то высматривал.

– Двор у тебя большой, – заключил он и повел Петра к своему серенькому неприметному жигуленку, приткнувшемуся около детской площадки. В его багажнике и салоне оказалось несколько больших и довольно тяжелых туго набитых спортивных сумок.

– Никак, в челноки подался? – пошутил Меркулов, вешая на каждое плечо по паре сумок.

– Вроде того, – буркнул Ояр и повторил: – Двор у тебя большой.

– Старая Москва, – усмехнулся Петр, – Чистые пруды рядом. Пошли наверх, а то прохладно.

Сумки он сложил в дальней комнате, как пожелал Ояр, и не преминул съязвить:

– Все мое ношу с собой?

– Да, как Федр, – согласился Ояр и бережно поставил рядом с сумками объемистый дипломат с наборными замками. – Теперь продолжим? Честно говоря, не терпится услышать, как ты, что ты?

На кухне, прежде чем вновь сесть за стол, он опять выглянул в окно, проверяя, на месте ли машина.

– Она у тебя под сигнализацией? – поинтересовался Петр.

– Нет, поэтому и дергаюсь... Ладно, не обращай внимания. Я слышал, ты давно женился и отнюдь не на Ирине? Чего же так? Ведь она откровенно предпочла тебя мне. Ты ведь жил с ней!

– Ты... Ты знал об этом? – удивился Меркулов. – И, тем не менее, продолжал ухаживания?

– Молодой был, глупый, – беспечно рассмеялся Ояр. – Потом понял, что баб на свете хватает, и даже есть получше. Ты, вроде, тоже дошел до этого своим умом. Или подсказали?

Он выпил и быстро начал закусывать, одновременно откусывая от большого бутерброда и поглощая шпроты. Петр тихо сказал:

– Перед твоим звонком по телефону мне как раз приснилась Ирина.

– Да? – заинтересованно взглянул на него Юрий. – А она тебе только снится?

– Что ты имеешь в виду? – не понял хозяин.

– Неужели она тебе ни разу не позвонила по возвращении и вы не встречались? – лукаво улыбнулся Ояр. – Как говорят русские, старая или, как там, первая любовь не ржавеет!

– Разве Ирина в Москве? Я слышал, она вышла замуж и надолго уехала за границу.

– Все в прошлом, старичок, все в прошлом, – Юрий откинулся на спинку стула и с иронией поглядел на Петра. Он знал, что его привычка называть приятеля «старичком» всегда приводила Меркулова в тихое бешенство, но, тем не менее, постоянно продолжал его поддразнивать. Значит, за долгие годы разлуки он не забыл об этом? И Ирина в Москве?

– Она давно развелась и теперь у нее какой-то деятель из игорного бизнеса. Довольно противный пожилой тип, зато с тугой мошной, – хмыкнул Ояр. – Детей она отправила к бабушке и прислуживает новому падишаху: жить-то надо! Прежний муж, говорят, обчистил ее до нитки, а ЦК КПСС, где работал папочка нашей дорогой общей первой любви, приказал долго жить, как и папа.

– Василий Иванович умер? – полуутвердительно спросил Меркулов.

– Тебе о нем особенно жалеть нечего, – отрезал Юрий. – Именно он тебе всю карьеру-то и поломал, когда ты не захотел обвенчаться с его доченькой.

– Не смей так говорить, – набычился Петр. – То, что было между нами, было между нами! Понял?

– Понял! – гость шутиливо поднял руки ладонями вверх. – Давай лучше о тебе. Ты женат?

– Да, – внезапная вспышка гнева уже прошла, и Меркулов старался говорить лениво-спокойно, хотя на душе остался какой-то неприятный осадок. – Женат. Дочери уже девятнадцать, недавно выдал замуж, а сын – еще совсем малыш, три годика.

– Большая разница, – Ояр причмокнул, то ли выражая сожаление, то ли восхищаясь отвагой приятеля, решившего заводить в столь трудное время детей, и долил в рюмки водки. – За их здоровье!

Выпили, вяло пожевали, Юри опять сбегал к окну поглядеть на машину, а потом спросил:

– А ты что поделяваешь?

– Живу на переводах, – пожал плечами Петр. – Английский, немецкий. Удалось тут на три года съездить поработать в Африку, немножко зашиб денжат, ребятишкам помочь.

– Ты же был приличным китаистом? – удивленно поднял брови гость.

– Как оказалось, это никому не нужно, особенно после того как, по твоему выражению, мне поломали карьеру. Спорили все регалии и отправили на улицу: добывать хлеб насущный в поте лица своего.

– Врешь, – глаза Ояра стали жесткими и холодными. – Все врешь!

– Ты о чем? – в свою очередь удивился Меркулов.

– Сам знаешь, – отрезал Юри. – И я знаю о тебе **все**! Понимаешь, **все знаю**! Иначе не приехал бы.

– Что знаешь?

Но гость словно не слышал вопроса. Слегка ослабив узелок приевите и спустив пониже удерживавший его кусочек янтаря, он развалился на стуле и лениво процедил:

– Не беспокойся, мне нужно пересидеть всего пару дней. Потом я исчезну. Не только из Москвы, но и из России.

– Хочешь эмигрировать?

– Слушай, – Ояр немного наклонился над столом. – Будет ваньку-то валять! Какая эмиграция? Мне надо уходить отсюда, уползть тихо и незаметно, унося в зубах добычу, которая нужна моей новой родине.

– Родина не может быть новой или старой, – резко ответил Петр.

– Латвия освободилась, – гордо выпрямился Ояр. – История начинается с новой страны.

– Историю нельзя без конца переписывать!

– Иногда это необходимо, – зло ощерился Юри. – Кстати, если мне придется уйти налегке или покинуть тебя на некоторое время, никому не говори, где мои вещи и не отдавай их. Я вернусь за ними сам, обязательно вернусь!

– Ты связался со спецслужбами прибалтов? – догадался Меркулов.

– Не важно, со спецслужбами, с криминальными группировками, не важно, с кем и как я связался, – отчеканил гость. – Важно, что получишь взамен! Ты твердил, что три года оттрубил в похабном климате Африки, а я оттрубил здесь! Считаю, что тоже переводчиком, не важно, с какого на какой, важно, что переводил. Неужели ты, Питер, так и остался идеалистом?

– Я тебя не очень понимаю, – Меркулов закурил и посмотрел в глаза Ояра, слегка затуманенные алкоголем.

– Не понимаешь? – усмехнулся тот. – Ты не предатель, Питер, ты, пожалуй, единственный мой друг, оставшийся на этой грешной земле, и я скажу тебе: все давно и разительно переменялось! Неужели ты сам этого не видишь? Где мощная держава, которой мы некогда служили, и вожди, которым верили? Каждый за себя! Теперь нет времени для жалости, может быть, вообще ни для чего человеческого не осталось времени! Хотя бы для меня лично. Мне сейчас нужно спасти свою шкуру, понимаешь?! Мне уже давно за сорок, у меня трое детишек в Риге, жена-психопатка, да ты же ее знаешь, – Лидка, которая отлично играла в волейбол, блондинка с красивыми ногами?! Так вот она – психопатка! А вдобавок еще две истеричные любовницы и вздорная теща, о которой смерть напрочь забыла. И всем им я нужен как воздух, потому что даю им хлеб, и не только хлеб! Что мне оставалось делать, кроме как соглашаться? Скажи, что?! Или ты никогда не знал, как человека умеют брать за горло? А я еще хочу, жажду

бытия, хочу выжить и не просто выжить, а получить приличные деньги, значительно более приличные, чем ты заработал за три года каторги в своей вонючей Африке! Я хочу лежать в объятиях своих и чужих лживых баб, хочу слышать за спиной почтительный шепоток: вон пошел Юри, да, тот самый Юри! Удачливый и богатый Ояр Юри! Пусть не могущественный, пусть не знаменитый, но удачливый, богатый и живой! Мне еще не безразлично, как смотрят на меня восемнадцатилетние потаскушки, если хочешь ты это знать! Да, отдавая дань новой моде, я ходил в церковь, но я не верю в Бога, не верю в загробную жизнь. После смерти не будет ничего! Понимаешь, ничего, а я не поугай, чтобы просидеть в клетке триста лет и все-таки хоть чего-то дождаться!

Он внезапно замолчал, потом с тихой грустью, так не вязавшейся с его распаленной, задиристой тирадой, признался:

– Сегодня я видел во сне «журавлиные сапоги». Ты видел Ирину, а я видел себя босым. Наверное, не к добру?

– Брось ты это, – тихо попросил Меркулов.

– Правильно, к дьяволу! – тряхнул головой Ояр. – Выпьем и споем. Помнишь мою любимую: «Обнимай свою девчонку и пускайся в пляс! Если нет своей девчонки, обнимай матрас!»

Он залпом махнул рюмку водки и вдруг, поперхнувшись, наклонился над столом. Его вывернуло в тарелку выпитой водкой и остатками закуски. С трудом упершись ладонями в край столешницы, он откинулся на спинку стула и начал жадно хватать ртом воздух. Лицо Ояра сделалось белым как полотно, на лбу мелкими бисеринками выступила испарина, губы приобрели какой-то странный, синюшный оттенок.

– Что с тобой? – испуганно вскочил Петр. – Дать воды?

– Сердце, – едва смог вымолвить Юри. – Больно очень.

Меркулов подхватил его на руки и быстро отнес в комнату, уложил на диван, стянул с ног башмаки и растянул на груди рубаху. Ояр оказался легким, как подросток. Он не сопротивлялся, лишь тихо постанывал сквозь зубы и пытался что-то шептать, но что именно, разобрать не удавалось. Метнувшись в ванную, Петр отыскал пузырек с валокордином, накапал тридцать капель, развел водой и влил в рот приятеля. Потом принес таблетку валидола и сунул ему под язык. Однако, судя по всему, лучше Юри не становилось – дыхание оставалось прерывистым, глаза замутились уже не от алкоголя, а от боли, кисти рук похолодели. Что делать?

– Как ты? – опустившись перед диваном на колени, встревоженно спросил Меркулов. Ничего себе происшествие на холостяцкой пирушке двух старинных приятелей, бывших когда-то соперниками в любви!

– Худо, – едва ворочая языком, признался Ояр. – Боль...

Петр взял его запястье: пульс прощупывался слабо. Неровный, с редкими толчками, он напоминал ниточку – тоненькую, связующую нить между жизнью и смертью, которую каждая из них тянет в свою сторону с попеременным успехом. Надо вызывать скорую. Тем более Ояр, похоже, начал терять сознание.

– Алло, скорая? Пришлите машину... Тяжелый сердечный приступ. Адрес? Диктую, Потаповский... Да, я выйду встретить, подъезд со двора. Поскорее, пожалуйста, очень плохо!

– Ждите, бригада будет, – ответил бесстрастный голос диспетчера подстанции скорой.

Накрыв Ояра пледом, Меркулов быстренько оделся и выскочил на улицу. Моросило, с неба летел то ли мелкий холодный дождь, то ли колкая снежная крупа, таявшая, не достигнув земли. Сколько ждать скорой? Он посмотрел на часы – почти два ночи. Интересно, где ближайшая станция и сколько они будут добираться по ночному городу?

Завидев огни скорой, Петр побежал навстречу, призывно размахивая руками. Показал, где поставить машину, и повел бригаду вверх.

– Выпивали? – неприязненно спросила пожилая фельдшерица, помогая врачу освободить руку Ояра, чтобы померить давление.

– Так получилось, давно не виделись, лет пятнадцать, – начал оправдываться Меркулов, но врач прервал его: – Помолчите!

Стрелка тонометра прыгала и никак не могла хоть где-то остановиться. Юри пришел в себя: в его глазах уже не осталось и тени хмельного тумана – в них плескалась невыразимая боль и отражался животный страх перед внезапно случившимся с ним. Он все время взглядом искал Петра и, найдя, смотрел с немой просьбой, которую приятель должен понять сам, поскольку ее нельзя высказывать при посторонних.

– Давайте носилки, – врач встал и сунул в нагрудный карман халата небрежно сложенный стетоскоп. – Скорее! Похоже, инфаркт. Кто он вам?

– Приятель, – ответил Меркулов, поняв, что вопрос обращен к нему. – Друг юности.

– Где живет, знаете, документы какие-нибудь есть?

– Понимаете, он вообще-то живет в Риге, а документы... Я сейчас!

Петр кинулся к висевшей на стуле куртке Юри, обшарил карманы: деньги, аккуратно сложенный носовой платок, нераспечатанная пачка сигарет, несколько жетонов для телефона-автомата. Все. Может быть, в кейсе?

Дипломат открываться не хотел, как Меркулов ни крутил колесики замочков. Спрашивать сейчас у Ояра шифр бесполезно. Оставив кейс, он расстегнул молнию одной из сумок, сдвинул покрывавшую ее содержимое непромокаемую ткань и похолодел: поверх каких-то коробочек лежал в новенькой желтой подмышечной кобуре вороненый «вальтер ППК» – отличная боевая машинка, способная уложить человека за сотню шагов, проделав в нем сквозную дырку. Ну, Юри, ну, приятель!

– Нашли? – фельдшерица попыталась заглянуть через его плечо, но он успел быстро прикрыть пистолет и задернул замочек сумки.

– Нет, я потом найду! Не стоит терять времени. Куда вы его повезете?

– Наверное, в первую городскую, тут ближе, – ответил врач. В дверях уже топтался водитель скорой, раскладывая носилки. – Поможете вынести?

– Конечно, – кивнул Петр. – Как мне узнать о его состоянии?

– Звоните в приемный покой или в справочную. Как его, давайте я запишу.

– Юри, это фамилия, зовут Ояр Янович, живет в Риге, по-моему, улица Кришьяна Барона, если не переименовали, как у нас.

– Ладно, беритесь, – приказал врач. – Выносим головой вперед!

Ояра переложили на складные брезентовые носилки. Он сделал движение, словно хотел поймать руку Меркулова, и тот в ответ ободряюще улыбнулся ему и шепнул:

– Не волнуйся, я все помню!

Внизу шофер забежал вперед и раскрыл заднюю дверцу машины. Когда носилки вдвигали по полозьям внутрь микроавтобуса, Юри неожиданно вцепился в рукав Петра и с трудом дал понять, чтобы тот наклонился к нему:

– Сохрани, – прошелестел шепот, щекоча ухо Меркулова прерывающимся дыханием. – Машину проверь... И если... Ты должен быть первым! Не отдавай...

– Хватит, хватит, потом наговоритесь, – грубовато прикрикнула фельдшерица. – Поехали!

Задняя дверца скорой захлопнулась, словно проглотила человека, и через секунду на выезде из двора мелькнули красные огни стоп-сигналов...

Поднявшись к себе, Меркулов скинул куртку, переобулся и прошел в комнату. На полу валялся плед, которым он совсем недавно укрыл Ояра, а в воздухе явно чувствовался запах мокрой одежды приезжавших врачей и неистребимый запах лекарств. И будто сразу стало не хватать чего-то важного, что еще недавно было тут, рядом с тобой, а теперь безвозвратно ушло.

Заметив сиротливо стоявшие около дивана башмаки Юри, он отнес их в прихожую и подумал: «Надо отвезти ему обувь и куртку». Она тоже осталась висеть на спинке стула. Впро-

чем, если диагноз подтвердится, ботинки и куртка понадобятся приятелю еще не скоро – инфаркт не шутка, с ним не так просто справиться, как с насморком или ангиной. Нервничал, наверное, друг Ояр без меры, жил, сжигая себя в топке роковых страстей, в постоянном напряжении. Интересно, правду он сказал о двух любовницах или, как это с ним довольно частенько случалось, прихвастнул? Как бы там ни было, наговорил Юри сорок бочек, а теперь его забрала скорая. М-да, несколько неожиданно закончилась холостяцкая пирушка при встрече давних приятелей...

На кухне Петр выпил рюмку водки и, не закусывая, закурил, бездумно следя за серой ленточкой невесомого дыма, поднимавшегося спиралями к потолку. Из головы не выходили слова Юри о том, что не важно, с кем ты связался, а важно лишь то, что будешь с этого иметь. И тут как толкнуло – пистолет! Ведь в сумке Ояра лежит новенький «вальтер»! Зачем ему понадобилось оружие? И вообще, где его документы и ключи от машины? Он просил приглядеть за ней, а ключи, помнится, висели у него на цепочке, пристегнутой карабином к поясу брюк. При врачах, естественно, не до того, чтобы обшаривать больного и вытягивать из его брючного кармана связку ключей. Но как быть теперь?

Меркулов примял недокуренную сигарету в пепельнице, выдавил в стакан половину лимона, немного развел водой, выпил, чтобы хоть как-то нейтрализовать действие спиртного, и решительно направился в комнаты. Для начала он еще раз тщательно обыскал куртку Юри и даже прощупал все швы – сделать это оказалось не трудно, поскольку она была сшита из прекрасной тонкой кожи. Однако ничего обнаружить не удалось: даже никаких клочков бумаги. Сложив все вынутое из карманов куртки на стол, Петр перешел в другую комнату и занялся сумками.

Первой он открыл ту, где видел «вальтер». Вот он. Расстегнув застежку кобуры, осторожно вытянул из нее оружие – с первого взгляда он безошибочно определил: пистолет заряжен, смазан и хорошо вычищен. Рядом лежали две картонные коробочки с патронами – в общем-то, не пустячный арсенал. И кто знает, какие дела тянутся за этим стволом, принадлежит ли он самому Юри, или Ояр получил его во временное пользование еще от кого-нибудь? Но от кого? Номер пистолета не спилен, значит, изначально не задавались целью скрыть его принадлежность? Ну ладно, а кобура? Примерив ее на себя, Меркулов убедился: ремни отрегулированы на рост и размеры Юри. Значит, оружие носил сам Ояр? Зачем? В кого он собирался стрелять или от кого намеревался защищаться? Тысяча вопросов и ни одного ответа!

Отложив «вальтер», Петр стал вытаскивать из сумки коробки. Открывая их одну за другой и внимательно рассматривая содержимое, он все больше и больше мрачнел – в сумке приятеля, тщательно упакованное, лежало суперсовременное шпионское электронное оборудование, при помощи которого можно легко подслушивать, подглядывать, записывать чужие разговоры, находясь на значительном расстоянии и не рискуя быть обнаруженным. Дела!

Откуда все это у Юри? Подобные штучки стоят просто бешеных денег, причем цена их выражается в многозначительных цифрах в самой что ни на есть твердой валюте – в долларах, фунтах стерлингов, дойчмарках, а в рублях будет просто астрономической!

В другой сумке нашелся обтянутый кожей, довольно увесистый кейс с чувствительным электронным стетоскопом – такая штука давала возможность услышать и записать то, что говорили отделенные от подслушивающего бетонной стеной толщиной в метр и больше. Там же оказались наборы микрофонов, микродиктофоны, разнообразные «жучки»...

Разглядывать содержимое каждой сумки, вскрывать все коробки Петр не стал: он просто наугад открывал какую-нибудь первую попавшуюся коробочку и, убедившись, что в ней все то же самое, аккуратно закрывал и укладывал на место. Закончив осмотр сумок, он уселся на полу и закурил, – ничего не скажешь, оставил приятель подарок! Хорошо еще, кроме «вальтера», больше нет оружия. Хотя зачем лицемерить – все, что уложено в сумках, в умелых руках может послужить более страшным оружием, чем пулемет или винтовка с оптическим прицелом!

Ага! Он еще забыл про кейс, который Юри так осторожненько поставил рядом с сумками. Хотелось надеяться, что он не заминирован и при попытке вскрыть его не разнесет незадачливого взломщика в клочья – судя по содержимому сумок, ожидать можно всего.

Меркулов принес инструменты и принялся осторожно ковыряться в замках. Кое-какие познания в слесарном деле у него имелись, поэтому вскоре защелки уступили его упорству и натиску. Крышку он приоткрыл, ожидая неприятного сюрприза, но, слава богу, обошлось без эксцессов. Первое, что он увидел – торчавшие в кармашке верхней крышки запасные ключи от машины на красивом брелке из Парижа. Кроме ключей от машины там были еще два ключа: явно от квартиры. Но где она? И кто там живет или жил?

Сплошные загадки оставил укативший на скорой помощи в больницу Ояр Янович Юри, в молодые годы занимавшийся китаистикой и носивший погоны офицера Советской Армии, а по прошествии множества лет ставший неизвестно кем. Вот это и было самым главным – узнать, кем же стал Юри?! Тогда появятся ответы на многие вопросы, если не на все.

Так, что тут еще, в этом проклятом кейсе? Пачка бумаг на латышском – частью отпечатанные на машинке, частью исписанные от руки, частью выполненные на компьютере. Петр латышского почти не знал и отложил бумаги в сторону. Под ними аккуратными стопочками лежали три банковские упаковки долларов США – примерно тысяч тридцать. По нынешним временам если не состояние, то очень большая сумма. Что еще? Какой-то маленький, потертый блокнотик. Перелистав его, Меркулов обнаружил несколько записей: какие-то даты, имена, малопонятные пометки на русском или на латышском, столбики цифр – код не код, но и на подсчеты расходов не слишком похоже. Более всего его заинтересовали записанный почерком Юри адрес на русском языке и схемка, как добраться от метро. Тут же был записан телефон. Не откладывая дела в долгий ящик, Петр подтянул к себе аппарат и набрал номер. В ответ полились долгие гудки. Потом в наушнике щелкнуло и знакомый до боли голос Ояра приветливо сказал:

– С вами говорит автоответчик. После короткого сигнала оставьте свое сообщение или номер телефона. Благодарю!..

Надо полагать, это номер телефона той берлоги, где в последнее время отсиживался или, если угодно, проживал Юри? А адрес и схемка – указания, как ее найти? Вполне вероятно, он несколько раз менял место проживания в огромном городе, а последнее было в новом районе и, чтобы не заплутать, он и сделал для памяти схему?

Ну а что же делать со всем этим добром, да еще и с пистолетом? Трогательно и верно выполняя заветы старой дружбы и данное обещание, хранить до выздоровления Ояра? А если кто-то заявит за всем добром, да еще так сказать *in absentia*, то есть в отсутствие хозяина? Черт его знает, какие знакомые завелись у Юри, если он возит с собой подобные «джентльменские» наборы, в которые к тому же входит еще и пистолет? И что делать с машиной Ояра – так и оставить во дворе рядом с детской площадкой? Через день-другой она неминуемо привлечет чье-нибудь внимание, особенно если Юри успел где-то наследить.

Тьфу, пропасть! Вот принесла нелегкая этого шута Ояра! Одна отрада, что ключи от машины нашлись. Так, а это что такое?

Приподняв ложное дно кейса, Меркулов увидел сложенные стопочкой документы – паспорт и международные водительские права Ояра, какие-то квитанции. Там же лежали чистые бланки польских, румынских и эстонских паспортов. Час от часу не легче! В довершение всего обнаружилась изящная продолговатая коробочка телефона сотовой связи с короткой толстой антенной, торчавшей сверху. Ну, кажется, все?

Что теперь – звонить в больницу и срочно везти им документы Юри? Конечно, те, что выписаны на его имя, а никак уж не чистые бланки паспортов других государств! Звонить в милицию или в контрразведку и рассказывать о случившемся? Бежать проверять, нет ли чего еще в салоне и багажнике оставшейся во дворе машины приятеля или... или поскорее изба-

виться от всего этого, спрятав так, чтобы сразу нельзя было догадаться где искать? Пожалуй, лучше начать с последнего. Из больницы Ояра еще долго не отпустят, обращаться к власти предрешающим структурам может встать себе дороже, а вот если?..

В голову Петра пришла простая и в то же время весьма сомнительная идея: отвезти вещички приятеля на квартиру дочери. Сейчас она с мужем в отпуске, уехали всего несколько дней назад и вернутся нескоро. Квартира недалеко – на Шаболовке, – опять же в ней есть стальная дверь и сигнализация. Это плюс! Второй плюс – сделать все под покровом ночи, пока никто ничего не заметил. А до возвращения дочери и зятя он что-нибудь непременно придумает! Решено?! Ключи от квартиры дочери у него есть: ему оставили их, чтобы он присматривал за цветами и вообще время от времени проверял, все ли в порядке. Надо ехать, время дорого! Опять же, вдруг он зря паникует – сейчас многие фирмы торгуют шпионским оборудованием вполне официально, и при желании у них можно достать еще не такое.

«Нет, не такое, – одеваясь, горько усмехнулся Петр. – «Вальтер» они тебе не предложат да и многих приборов не достанут, поскольку таких нет в свободном обращении даже на Западе».

Весь обвешанный тяжелыми сумками, держа в руке кейс, он спустился во двор, быстро свалил все в салон своих стареньких «жигулей» и сел за руль. Мягко заурчал мотор. Бросив взгляд в зеркало, Меркулов поглядел на серенькую тачку Юри, стоявшую у изгороди детской площадки: пойти посмотреть, что в ней? Но отказавшись от этого намерения, он плавно тронул с места и выехал со двора...

До квартиры дочери он добрался меньше чем за полчаса. К счастью, на пустынных улицах ему даже не встретился ни один гаишник. Честно признаться, подобной встречи Меркулов опасался – ведь он все же выпил сегодня ночью, а садиться за руль даже после кружки пива он себе никогда не позволял. Ладно, пронесло, есть все-таки Бог на небесах.

Быстро перетаскав груз наверх, он сложил сумки в углу, прикрыл их предусмотрительно прихваченным пледом и приколот к нему записку: «Таня и Толик! Ничего не трогайте! Вещи мои, скоро заберу, просто некуда было сложить. Папа». Хотелось верить, что этой филькиной охранной грамоты для дочери и зятя окажется вполне достаточно. Немного подумав, он взял документы Юри и вскрыл одну из банковских упаковок с долларами – мало ли, какие понадобятся расходы, а он тоже не миллиардер. Наверное, тысячи две-три хватит на все?

Очень хотелось взять «вальтер» – он просто притягивал к себе строгой четкостью линий, грозной красотой хорошего боевого оружия. Вооруженный мужчина всегда чувствует себя иначе, чем безоружный. Увереннее в себе, что ли, строже, сильнее? Но, как ни хотелось, он ограничился только ключами от машины и квартиры, документами и долларами. Все остальное пусть мирно полежит здесь. Да, трубочку телефончика тоже можно прихватить, она не пистолет, зато удобно – звонить откуда угодно и куда угодно.

Снова усевшись за руль, Петр ненадолго задумался – что теперь? Больница рядом, рвануть туда, отдать документы и узнать, как чувствует себя Ояр? Но он так беспокоился о машине! Да и что ответят сейчас врачи: сообщат, что доставленного по скорой отправили в реанимацию, и предложат дожидаться утра? Хорошо, документы подождут, в больницу он позвонит из дома, а сейчас надо поехать и осмотреть тачку Юри. И неплохо бы придумать, что с ней делать? Может, не мудрствуя лукаво, накрыть старым брезентом и завязать веревками?..

В свой двор он въехал не зажигая огней – здесь все изучено до малейшей ямки и трещинки на асфальте. Оставив машину на привычном месте, обошел детскую площадку и в недоумении остановился: около серенького жигуленка Юри копошились двое мужчин, явно пытавшихся вскрыть замки дверей салона. Ничего себе шуточки! Побегать скорей домой, схватить охотничье ружье и задержать злоумышленников? Но пока пробегаешь, они могут уже угнать «лайбу» Ояра. Петр сунул руки в карманы куртки и решительно двинулся к незнакомцам.

– Эй, парни! Это не ваша машина! Что вы тут делаете? – остановившись в нескольких шагах от незнакомцев, окликнул их Меркулов.

К его удивлению, они не вздрогнули, не испугались и не бросились бежать. Не прерывая своего занятия, парень в короткой дубленке, ковырявшийся в замке, поднял голову и ответил:

– И не твоя! Вали отсюда!

– Иди домой, – поживаясь от студеного ветра, миролюбиво посоветовал второй. – Время позднее, пора спать.

– Ребята, уходите по-доброму, – предложил Петр. Драться он не боялся и умел постоять за себя, а два каких-то приبلудных малых, пытавшихся вскрыть ночью чужую машину, не представлялись ему опасными противниками. Правда, на минуту мелькнула мысль сожаления, что не взял «вальтер» из сумки Юри. Тогда разговор сейчас был бы предельно короток и ясен.

– Тупой, что ли? – «миролюбивый» шагнул к Меркулову. – Сказали, иди домой!

Обстановка явно накалялась. Сделав еще шаг, парень неожиданно развернулся и попытался ударить Петра ногой в голову – видно, он владел некоторыми приемами каратэ. Меркулов успел поставить блок и с такой силой отбил удар, что парень рухнул на бок, не удержав равновесия. Однако он, как кошка, тут же вновь очутился на ногах, словно подброшенный пружиной, и предпринял новую атаку.

«Надо было взять «вальтер» или сбегать за ружьем», – тоскливо подумал Петр, пропустив ощутимой силы удар в грудь. И тут же скулу ожгло новым ударом. Ночные грабители автомобилей явно не собирались просто так расставаться с возможностью поживиться. И их было двое против одного, давно перешагнувшего сорокалетний рубеж человека, пусть даже когда-то серьезно занимавшегося спортом, но явно уступавшего молодым в скорости реакции. И пока в дело вступил всего один из них, а если навалются оба?

Улучив момент, Петр сумел поймать руку парня, намертво зажал ее и резко рванул на себя, одновременно безжалостно врезал ему кулаком в лицо и ребром ботинка по голени. Таких приемов его противник явно не знал и кучей тряпья осел на асфальт, по-звериному завыв от жуткой боли. Второй тут же бросил ковыряться в замке и, прижавшись спиной к машине, сунул правую руку в карман, наверное, нащупывая рукоять ножа.

К удивлению Меркулова, поверженный «миролюбец» оказался значительно крепче, чем он предполагал, и удары почти стокилограммового Петра не вырубили его – парень уже успел подняться на четвереньки и, нетвердо цепляясь рукой за крыло автомашины, ошалело мотал головой, явно пытаясь встать и вновь принять боевую стойку. Хорошо бы ему сейчас добавить ногой по печени, но разве даст второй? А пока разберешься с ним, двужильный «миролюбец» успеет прийти в себя. Да и так ли легко удастся разобраться со вторым?

Меркулов попятился, зорко следя за каждым движением противников. Отступать не позорно: ни к чему глупо подставлять голову. Нужно рвануть к своей машине и взять хотя бы монтировку, которую он всегда возил под передним сиденьем. Это значительно охладит их воинственный пыл.

Неожиданно сбоку раздался рокот мотора и ударил сильный свет фар. Вильнул в сторону и погас. Хлопнули дверцы автомобиля и знакомый голос проревел:

– Лексеич?! Наших бьют?

Меркулов оглянулся. В нескольких метрах от него остановился джип Витька – соседа по подъезду, занимавшегося какими-то делами по части оптовой торговли. Сам Витек – в сажень ростом и с какой-то железкой в руках – уже спешил к месту побоища, а за ним из джипа гурьбой вываливались его явно не совсем трезвые приятели. Они уже успели заметить, что противников у Меркулова всего двое, и с гоготом и свистом, размахивая бутылками, охотно кинулись «пособить», предвкушая развлечение, заключающееся в избиении забредших на запретную территорию чужаков.

Быстро оценив резко изменившееся соотношение сил, чужаки боя не приняли. Они быстро отступили в темноту и под улюлюканье и пьяный гогот компании Витька скрылись в подворотне. Наметанным глазом Петр успел заметить, что «недобитому» приходилось поддерживать подельника – тот здорово прихрамывал.

– Чего тут? – Витек обдал Меркулова запахом перегара и сунул заводную ручку под мышку. Вытряхнув из пачки «Кэмела» сигарету, он с удовольствием закурил. – Хотели у тебя колеса снять, что ли?

– Вовремя ты, – потирая ушибленную скулу, признался Петр.

– Ага, – заржал Витек. – Как раз! По-моему, пятый час? Самое оно! Ты че, Лексеич, по ночам стал гулять?

– Понимаешь, тут такое дело, – начал немного путано объяснять Меркулов. – Приятель ко мне приехал из Риги, а у него случился инфаркт. Машина его осталась, я его в больницу отправил, а когда возвращаюсь, тут эти двое копошатся.

– Понятно, – длинно сплюнул один из дружков оптовика. – Постоит еще, точно разденут или угонят.

– Теперь не знаю, чего с ней делать, – беспомощно разведя руками, признался Петр. – Брезентом, что ли, накрыть?

– Ерунда, – отрезал Витек. – Слышь, Сань, вроде, у Митьки «ракушка» пустая? Может, сдаст пока? Пару сотен баксов дашь?

Он вопросительно поглядел на Меркулова. Тот утвердительно кивнул: пристроить машину Юри в жестяной гараж-«ракушку» – хоть какой-то выход на время, а там, может быть, еще чего получше подвернется, или сам Ояр скажет, куда девать его, как он любил выражаться – «лайбу».

– Звякни ему, – велел Витек, обернувшись к приятелю.

– Не рановато ли? – нерешительно запротестовал Петр, хотя возможность побыстрее избавиться от машины Юри и убрать ее из двора с глаз долой его только радовала. Но должны же существовать еще какие-то правила приличия?

– Нормально, – отмахнулся Витек, а его приятель уже тыкал пальцем в кнопки радиотелефона.

Переговоры закончились быстро: обе стороны выражались исключительно на московском диалекте общероссийского мата и очень быстро пришли к соглашению.

– Триста за две недели, – убирая телефон за пазуху, объявил результат приятель Витька. – Сейчас можем и отогнать. Это рядом, у Солянки.

– Ключи есть? – поинтересовался обстоятельный сосед, несмотря на явный хмельной гул в голове не утративший способности трезво мыслить. – Тогда заводи и поехали. Чего зря время терять?

С неба вдруг посыпало частой, колкой белой крупой, уже не таявшей при падении на землю. Меркулов сел за руль машины Юри, а приятели Витька набились в джип. Лавируя по старым московским переулкам – кривым и горбатым, изобилующим неожиданными поворотами и тупиками, Петр в зеркальце заднего вида заметил, что за ними тянется еще одна машина – темная, неприметная, с погашенными огнями. Неужели в ней «битый» и «небитый», пытавшиеся вскрыть «лайбу» Ояра? Да нет, чушь собачья, станут они выслеживать старенькие «жигули», тем более после стычки, да еще в такую погоду. Зачем, когда кругом полно новых машин, многие из которых тоже не имеют сигнализации и ночуют на улицах без присмотра – гараж в столице превеликая проблема, и сейчас, в данной ситуации «ракушка» за триста баксов на две недели – просто подарок судьбы. Еще мало попросили, наверное, из-за уважения к Витьку...

Хозяин гаража ждал их во дворе, уже широко открыв зев жестяного гофрированного автомобильного приюта.

– Дмитрий, – сунув Меркулову холодную руку, представился он и шмыгнул носом. – Бабки когда?

– Сейчас, – Петр отсчитал ему три зелененьких бумажки и дал номер своего телефона.

– Вгоняйте, – разрешил хозяин гаража, убирая деньги и записку.

Он отошел поболтать с Витьком и его приятелями, а Меркулов задним ходом загнал жигуленок Ояра в «ракушку». Прежде чем вылезти, он открыл перчаточное отделение и запустил туда руку, но, кроме справочника и карты города, там ничего не оказалось. Он проверил пространство под «Торпедо», слазил под сиденья, колупнул ногтем обшивку – вдруг где окажется тайничок. После осмотра содержимого сумок Юри и в машине можно обнаружить все, что угодно: хоть героин, хоть бриллианты!

Но пусто, пусто! Заглянул, на всякий случай, в багажник и под капот. Сзади нашлись запаска с уже лысоватой резиной и аккуратно завернутые в брезент инструменты, а под капотом, как и следовало ожидать, рокотал еще не выключенный мотор. Петр выключил его, отсоединил клеммы аккумулятора и захлопнул крышку капота, поглядывая на посасывающих сигареты Витька и его приятелей – им явно не терпелось поскорее попасть в домашнее тепло и допить то, что еще оставалось. Под их любопытными взглядами тщательно машину не осмотреть. А ведь Юри все время что-то пытался сказать о ней! Что, почему он так беспокоился о своей «лайбе»?

– Ну все, что ли? – грубовато спросил хозяин «ракушки».

– Все, – выдохнул Меркулов. – Ключи мне дадите от замка?

– На две недели, – напомнил Дмитрий и с грохотом опустил крышку.

– Поехали, поехали, – заторопил Витек. – А то у нас стынет.

Меркулов втиснулся в пропахший перегаром и табачным дымом салон джипа и дал себе слово, что как только в ближайшие день или два выдастся свободная минутка, облазить всю машину Ояра, проверив ее до последнего винтика. Но когда будет свободная минута? Надо бы по возвращении позвонить в больницу...

В ожидании утра Кларикиов весь извелся. От множества выкуренных сигарет во рту скопилась горькая, коричневая слюна, но он не переставая курил: не успев примять в пепельнице один окуроч, тут же вытаскивал из пачки новую сигарету и щелкал зажигалкой. Устроился он в гостиной, не решаясь ходить по комнатам и уж тем более заглядывать в шкафы и ящики столов убитого, хотя так и подмывало взглянуть: какие вещички и бумаги хранил всемогущий Борис Владимирович? Но осторожность брала верх, и Серега не двигался с места.

Время от времени он вновь набирал номер Корейца и слышал в ответ все тот же монотонный бубнеж автоответчика – не спросишь же у него: где болтается Леонид Пак? Телефон Снегирева по-прежнему не отвечал, а другим звонить бесполезно: никто не возьмет на себя ответственность принять даже пустяковое решение в подобных обстоятельствах. Все равно отправят к тому же Паку или Александру Александровичу, а те уж пусть и разбираются.

Один раз Кларикиов все-таки сходил на кухню. После некоторых колебаний зажег там на несколько секунд свет – картина, представшая его глазам, могла повергнуть в ужас кого угодно. Под Малаховым натекла приличная лужа крови, местами уже успевшая слегка подсохнуть и покрыться бурой корочкой. Одна рука мертвого шефа была прижата дверцей холодильника, другая отброшена в сторону, и рядом с ней валялась упаковка «Смекты». Кругом – брызги крови. Лицо лежавшего ничком Адвоката казалось уродливо измятой гуттаперчевой маской с жутким оскалом зубов.

Серега не выдержал, тут же выключил свет и быстро вернулся в гостиную. Под ложечкой сосало, требуя успокоительной порции спиртного, но он опять закурил и в который раз набрал номер Снегирева. И опять долгие гудки...

Обратно добрались без происшествий. Поблагодарив Витьку и распрощавшись с ним, Петр отказался от предложения пропустить стакашку и, войдя в свою квартиру, устало рухнул на стул в прихожей. Ну и ночка! Сумасшедший дом вкупе с театром абсурда и дешевым базарным балаганом. А ведь для некоторых это вполне нормальная, повседневная жизнь! Нет, ему никак не хотелось быть в числе подобных «некоторых». Лучше уж как-то по старинке, поспокойнее, без излишних эксцессов.

Сняв куртку и переобувшись, Меркулов прошел в ванную и долго рассматривал набухавшую багровым ссадину на скуле – по счастью, удар ночного работничка пришелся вскользь, но все равно с такой физиономией в приличном обществе не покажешься. Умывшись холодной водой, он залепил ссадину газетой: старый испытанный способ, еще с мальчишеских времен. По крайней мере, не так разбухнет, а если потом подмазать какой-нибудь крем-пудрой жены, то вообще будет совсем не заметно.

На кухне стол являл собой ужасающее зрелище: он не убрал вовремя тарелку, в которую вывернуло Юри в самом начале сердечного приступа. И запах!

Петр настежь распахнул форточку, свалил грязную посуду в мойку и залил ее горячей водой. Вытряхнул в мусорное ведро пепельницы, вымыл руки и поставил чайник. Спиртного не хотелось, хотя надо бы сбросить напряжение после стольких передрыг, но впереди полная неизвестность и лучше подкрепиться, чем расслабляться. Сам себе не признаваясь, он всячески оттягивал тот момент, когда придется снять телефонную трубку и набрать номер справочной больницы. Отчего-то его пугало это и, если бы было можно, он, наверное, совсем не звонил бы туда. Однако нельзя.

Заварив чай покрепче, он выпил большую кружку, вяло сжевал пару бутербродов. Побаливала ушибленная грудь, и, расстегнув рубаху, он обнаружил багровый кровоподтек – крепко врезал «миролюбец». Ну ничего, ему тоже хорошо досталось, долго будет помнить! Конечно, это, к сожалению, вряд ли отучит его лазить по ночам в чужие машины.

Наконец оттягивать больше стало просто неприличным перед самим собой. Меркулов выложил на стол документы Юри, положил рядом с ними радиотелефон, – кстати, даже батарейки совсем свеженькие, – но почему-то не захотел им воспользоваться, а взял свой старенький телефонный аппарат и начал набирать номер справочной. За окнами потихоньку серело, продолжала сыпаться из рваных туч колкая снежная крупа, похожая на манку, а телефон справочной не отвечал, хоть тресни. Спят они, что ли?

Тогда он набрал номер приемного отделения. Там сняли трубку после третьего гудка:

– Приемное.

– Простите, к вам сегодня доставили по скорой Юри Ояра Яновича с подозрением на инфаркт. Я хотел бы узнать о его состоянии.

– Как фамилия? – строго переспросили на том конце провода. – Юрьев?

– Нет, его фамилия Юри, он латыш, понимаете? Юри! Ояр Янович. Доставили ночью, по скорой. Звоню вам, потому что справочная не отвечает.

– Минуту.

По-видимому, там положили трубку на стол и медсестра куда-то отошла. Послышались неясные голоса, и сердце Меркулова сжалось в нехорошем предчувствии. Отчего они там так долго не отвечают? Перепутали фамилии всех больных на свете или им каждую ночь привозят людей по фамилии Юри, и теперь никак нельзя отыскать того, о ком он спрашивает?

– Алло? – голос медработницы был сух и официален. – Как, вы говорите, его фамилия: Юри? Ояр Янович Юри? Я правильно поняла?

– Да-да, – почему-то заторопился Петр. – Как он?

– Кто вы ему будете?

– Приятель. Он гостил у меня, когда это случилось.

– Дело в том, что ваш приятель скончался, – равнодушно сообщила медсестра.

– Как это? – ошарашенно переспросил Меркулов. Юри больше нет? Еще несколько часов назад он сидел здесь, за этим столом, шурил лукавые голубые глаза, ерничал, сердился, шутил, а теперь его больше нет?

– Обширный инфаркт, не успели даже поднять в реанимацию. Вы обещали привезти его документы?

– Да, – тускло подтвердил Петр. – Я привезу.

– Когда? – деловым тоном допытывалась медсестра.

– Через полчаса...

Меркулов положил трубку и обхватил голову руками – в висках толчками начала пульсировать боль, на глаза навернулись слезы. Оказывается, как легко было жить все эти годы, зная, что Ояр есть, что он где-то ходит по земле, целует женщин, гладит по голове детей, лезет очертя голову в авантюры... А теперь его нет, и словно что-то невосвратно ушло вместе с ним, будто он забрал его из квартиры. Да что там из квартиры, из жизни самого Петра!

Вот так всегда и бывает: неожиданно-негаданно. У человека вообще два самых главных дня в его бытии – день появления на свет божий и день, когда он его покидает навсегда, чтобы уже более никогда не вернуться. Древние не зря говорили: самое определенное в жизни – это смерть, и самое неопределенное – ее день и час! Уезжая на скорой, похожий на задиристого подростка, одетый в голубую рубашку с приевите на шее и серые шерстяные брюки, Ояр еще не знал, что сегодня, с нуля часов, уже начался безжалостный отсчет того, второго по значению, а может быть, и самого главного дня в его жизни...

Теперь он никогда уже не наденет оставленные у Меркулова ботинки, не накинёт на плечи свою кожанку, не сядет за руль старых сереньких «жигулей». И никогда не поинтересуется, что случилось с теми вещами, которые он оставил на хранение давнему приятелю. Никогда!

Петр сгреб в кучку документы Ояра, не глядя сунул их в карман и вышел в прихожую – надо ехать в больницу...

На своем обычном месте во дворе больницы Анзор припарковался, когда с неба во всю уже летела мерзкая снежная колкая крупа. Открыв перчаточное отделение, киллер вынул тюбик дорогой женской помады и, придирчиво разглядывая себя в зеркальце автомобиля, слегка мазнул им по шее – так, чтобы не слишком бросалось в глаза, но и можно было заметить. Чуть растер помаду пальцем и спрятал тюбик. Потом вынул флакончик духов и капнул на свитер. Пожалуй, хватит, перебарщивать тоже нельзя.

Закрыв машину, он постоял несколько минут около дверей морга, давая выветриться и прижиться к нему запаху духов, потом спустился вниз.

Степаныч был занят делом. Водрузив на мясистый нос очки, он старательно выводил на бирке имя нового покойника, поминутно сверяясь с бумажкой.

– Натрахался? – поднял он глаза на вошедшего Анзора. – Несет от тебя бабским духом аж за версту. Помаду на шее сотри, герой-любовник!

Анзор незаметно сунул старому санитару в карман халата конверт – мзду за молчание – и поинтересовался:

– Свеженький?

– Ага, как раз аккурат сегодняшней, – солидно кивнул Степаныч, не забыв проверить, положили ли ему в карман обычный конверт. – Фамилия чудная: Юри. Я им наверх звоню, может, говорю, ошибочка вышла, Юрьев он? А они нет, твердят, все верно. Латыш, стало быть. Теперича иностранец! Во, Юри Ояр Янович. От инфаркта помер бедняга.

– Юри? – Анзор заглянул через плечо Степаныча. – Все правильно.

– Где правильно? – Степаныч наскучался в одиночестве и теперь был рад поговорить. – Какая же правильность? Во-первых, молодой еще помирать, а во-вторых, какой из его иностранец? Вся жизнь не туда повернулась! Вон снег идет, зима скоро. И каждый раз она для нас, как

нападение Гитлера, неожиданность! А снег-то, обрати внимание, никто не убирает. Зато про порядок говорят. Разве же это порядок? Вот при Сталине, тогда да, порядок был. А теперь? Тот же снег, тот же дворник, а порядку нет!

– Мне позвонить надо, – не слушая его, сказал уже успевший надеть халат Анзор.

– Чего же, звони, – буркнул Степаныч. И, обмакнув перо в баночку с фиолетовыми чернилами, старательно вывел на бирке: – Ояр...

Анзор прошел в угол, где на тумбочке стоял старенький, допотопный телефонный аппарат, и, набрав номер, прикрыл трубку рукой, чтобы его слова не долетали до любопытного напарника:

– Они потеряли его! Юри умер от инфаркта. Сегодня ночью, в нашей больнице...

Вообще, телефоны в эту ночь работали с повышенной нагрузкой. Десятки, если не сотни, людей тыкали пальцами в кнопки набора или вертели телефонные диски.

– Дерьмо все ваши службы безопасности, – летел по проводам закрытой связи рассерженный начальственный бас. – Дерьмо! Дармоеды. Насажали, понимаешь, бывших генералов и полковников, получают они баксы да еще пенсию, жируют лучше, чем на службе, а задницу от стула оторвать лень?! Там ничего не умели толком сделать, теперь здесь то же самое? Где ОНА? Где, я вас спрашиваю?!

– Никто ручки-то вам не связывал, – ехидно выговаривал звенящий от злости тенорок. – Неужели нельзя уследить за одним вшивым человечком? Как он вообще умудрился ЕЕ сделать? А? И где ОНА?..

– Послушайте, – устало оправдывался срывающийся голос, – он был одним из лучших...

– Тогда ему и платили за это! – зло обрывали его. – За то, кем он был, а тебе платят не за то, кем он был, а за то, что ты сам есть! Вас обвели вокруг пальца, как несмышленных детей! Где ОНА?..

– Мы платим бандитам не за то, чтобы они хлопали ушами и палили, где ни попадя, – ярился хриплый голос. – Почему он ушел? Где ОНА? Головой вы ответите, я свою подставлять не собираюсь!..

– Потеря, большая потеря, – одышливо, с расстановкой сетовал другой. – Но безвыходных положений нет! Меня сейчас более всего интересует, где ОНА? Понимаете?!

– Вам государство дало все права и наложало соответственно обязанности, – начальственно выговаривали по проводам, тяжело, как камни, роняя слова. – Надеюсь, вы отдадите себе отчет в том, что произойдет, если ОНА вдруг выплывет на свет в самый неподходящий момент? Я не могу быть ни в чем полностью уверен, пока ОНА не окажется у нас в руках...

– Кто найдет, получит первый приз! – обещал звенящий от злости тенорок...

– Приз нашедшему – пуля в затылок, – рассудительно вещал одышливый, – а потом будем разбираться...

– Щедрее обещайте ордена и награды, – падали тяжелые, как камни, слова...

Провода сплетались, словно змеи, и несли по своим жилам сипящие, звенящие и блеющие от страха голоса. И все заклинали, приказывали, умоляли, просили: найдите ЕЕ! Или строго спрашивали – где ОНА?! И никто не мог ответить...

Голоса в проводах взлетали все выше и выше, будто строясь в незримую пирамиду, на каждом уровне которой упорно говорили о неминуемой катастрофе, если ОНА пропала, и обещали приз, орден, благо и прочее тому, кто ЕЕ найдет. Все выше и выше пирамида, все начальственнее голоса, все весомее призы и обещания на каждом уровне.

Но первый приз нашедшему ЕЕ – пуля в затылок!..

Глава 3

Телефон зазвонил в седьмом часу утра. Вконец ошалевший от бесконечного курения, мучивших его страхов и опасений, измотанный событиями нелегкой ночи, Сергей Кларииков снял трубку.

– Слушаю.

– Серега? – голос Пака был, как всегда, сердитым и напористо-деловым. – Чего звонил? Давай самого, живо!

– Он... – телохранитель сглотнул тягучую, горькую от табака слюну, не решаясь прямо сказать о случившемся. Но ведь все равно придется говорить! – Он не сможет подойти. Его больше нет.

– Очумел? – буркнул Пак. – Или нажрался там? Я вот сейчас приеду и рога тебе...

– Он убит! – решившись, выдохнул Серега. На том конце провода наступило зловещее молчание. Лучше бы уж Кореец матерился и грозил, чем так молчать.

– Когда? – тускло спросил Пак.

– Ночью, на кухне, через окно, – лаконично доложил Кларииков.

– Снегиреву звонил?

– Не отвечает.

– Ладно, сейчас буду! Никуда не отходи, ничего не лапай! Понял? Никому больше не трезвонь!

Телохранитель положил трубку, закурил очередную сигарету и вытер скомканным носовым платком мокрые от пота ладони...

Пак примчался на удивление быстро. С ним приехали двое подручных – они ловко обезоружили Серегу и цепко прихватили его за локти, развернув лицом к бледному Корейцу. Неизвестно, что последовало бы дальше, но в этот момент появился Снегирев. Он вошел в гостиную, нервно приглаживая ладошкой поредевшие на темени волосы, и буднично спросил:

– Где он?

Кларииков повел на кухню. Он уже понял: Пак по дороге заехал за Александром Александровичем, а тот, верный своим привычкам, не сел в одну машину с Корейцем, а отправился следом на собственной. Сейчас рассудительный и осторожный Снегирев представлялся не на шутку перепуганному телохранителю чем-то вроде спасательного круга.

Войдя на кухню, остановились на пороге, не решаясь приблизиться к лежавшему у холодильника телу.

– Как это произошло? – Снегирев обернулся к Клариикову. – Время помнишь?

– Примерно, – чуть заикаясь от волнения и страха, ответил Сергей. – Он ночью встал, пошел на кухню за «Смектой».

– Свет зажигали? – перебил Пак.

– При современной технике это совершенно не обязательно, – скупое усмехнулся Александр Александрович. – Продолжай!

– Ну, шеф только открыл холодильник, – уныло бубнил телохранитель, – как тут хлопнуло в окно и он повалился. Сразу было видно, что все. А свет не зажигали. Я потом тут же позвонил.

Снегирев на цыпочках подошел к окну и, приоткрыв светонепроницаемую штору, поглядел на дырочку, оставленную пулей. Сокрушенно покачав головой, он бросил через плечо:

– Автомат! Наверняка, работали с лазерным прицелом и прибором ночного видения. Ты понимаешь, что это значит, Леня?

– Ментам придется сообщить, – хмуро ответил Пак.

– Это точно, – прикрикнул Снегирев. – Без них тут теперь не обойдется. Пошли в гостиную, здесь нам делать нечего.

В коридорчике Кореец чуть придержал Снегирева за локоть и шепнул:

– Телохранителя надо бы изолировать, а потом с ним по-свойски...

– Ни-ни, – отстранился советник. – Что ты, Ленечка? Он для ментов теперь главный свидетель! С его головы и волосок не должен упасть, пока дело не закроют.

Тем не менее, когда они вошли в гостиную, Кларикова там не оказалось, как и подручных Пака.

– В другой комнате посидят, – мрачно сообщил Кореец. – Что теперь будет, скажи? Ты у нас умный.

«Король умер, да здравствует король?» – мысленно усмехнулся Александр Александрович. – Все правильно, нетерпеливый Леонид желает иметь полную ясность и расставить оставшиеся фигуры по своим местам. Надо ли вступать с ним в борьбу?»

– Не стоит иронизировать, – мягко ответил он Паку. – Теперь ты, Леонид, у нас голова, а я твой советник.

И с удовлетворением отметил, как расслабились напрягшиеся крепкие плечи Корейца – тот явно ожидал тяжбы за опустевший трон, а добровольное желание Снегирева остаться на тех же позициях его устраивало как нельзя лучше: меньше хлопот да и подыскать такого же нового советника вряд ли удастся.

– Прихватили слухача? – усаживаясь в кресло, поинтересовался Александр Александрович.

– Одного, – мрачно ответил Пак.

– Одного? – удивленно поднял брови Снегирев. – Он сказал что-нибудь любопытное?

– Слабый оказался, сволочь! Сдох, – Кореец зло сплюнул на ковер. – Пришлось организовывать автокатастрофу на «пьяном шоссе». Машина вдребезги и сгорела. Гаишники, наверное, уже давно там суетятся. А второй ушел, гад. Видно, они успели перебросить во вторую машину аппаратуру, а мои олухи его упустили. Уж больно хитро вилял, а потом как в воду канул.

– Понятно, – протянул Александр Александрович. – Теперь придется думать о похоронах. Тягостное мероприятие.

– Война начинается, – по своей обычной привычке расхаживая по гостиной, бросил Пак. – Большая война с группировкой Чумы.

Снегирев саркастически усмехнулся: убийство Малахова – это еще не война, как бы там не думал Кореец! Скорее, это открытая демонстрация силы в ответ на отказ, теперь уже покойного Бориса Владимировича, следовать древнему завету делиться с ближним. Господь велел делиться, и желающие получить доступ к доходам казино прямо сказали об этом Адвокату. Но тот не внял, за что и схлопотал пулю в затылок, когда искал в холодильнике лекарство от больного кишечника, печени или желудка. Теперь уже не важно, что и почему у него болело: при такой жизни, которую долгие годы вел Малахов, заработаешь тысячи разных неизлечимых болезней.

Если продолжать вести себя так же, как он, – упорно не желая прислушиваться к «просьбам» и тупо упрямиться, – следующими жертвами могут стать Пак или сам Снегирев, чего Александру Александровичу крайне не хотелось. Он предпочитал иные методы решения спорных вопросов и всегда старался найти пусть хилый, но компромиссный путь призрачной «дружбы» без стрельбы по живым мишеням. Однако нужно отметить: противник нанял или имеет в своих рядах высококлассного киллера, снабженного прекрасной техникой – Малахова шлепнули в темноте, через усиленные стекла, светонепроницаемые шторы и импортные жалюзи, якобы тоже гарантировавшие безопасность. Да, там они, может, и гарантируют. Там, но не в России!

– Я сам прибую проклятого Чуму-Молотова и его дружка Молибогу вместе с их подручными! – в ярости выкрикнул Пак и крепко стукнул кулаком по стене.

«Может, – поглядев на него, понял Снегирев. – Вполне может!»

– Я бы не стал торопиться, Леня, – как можно мягче сказал он, стараясь погасить импульсивную вспышку злобы Корейца.

– Да? – обернулся к нему Пак. – Ты решил подождать, пока шлепнут меня, и спокойно прибрать все к рукам? А если первым пристрелят тебя? Неужели мы капитулируем и пустим их в казино?

– Ни то, ни другое, ни третье, – Снегирев закурил и выпустил струю дыма в потолок. – Полагаю, нам просто дали понять, что не намерены шутить. Кстати, покойный шеф, со своими устаревшими взглядами и упорным цеплянием за древние воровские традиции, стал приличным тормозом в развитии некоторых деловых отношений. Поэтому, может быть, кое-что и к лучшему?

Кореец поглядел на него с нескрываемым любопытством – Александр Александрович уже не раз поражал его откровенным цинизмом и неожиданными поворотами мыслей, приводившими к неординарным, но неизбежно выигрышным решениям. Даже покойный Адвокат, пусть скрепя сердце, но все же делал так, как советовал Снегирев. И не оставался в накладе.

– Надо выходить на Молибогу, – продолжал советник. – Он «мозг» группы Молотова и, во всяком случае, значительно умнее своего хозяина. Можно попробовать найти с ним общий язык.

– Ну да, – криво усмехнулся Пак, – ты из одной конторы, а он служил в другой? На этом и столкнетесь?

– Не исключено, – спокойно ответил Александр Александрович. – По крайней мере, как ты изволил выразиться, «контора» прививает определенный склад мышления и учит поменьше размахивать томагавками на тропе войны.

Кореец молча прошелся из угла в угол, обдумывая сказанное советником, потом глухо бросил:

– Адвокат и их слухач – не равнозначные фигуры! Нас могут не понять!

– В любом случае не стоит допускать открытой войны! Пока сделаем вид, что мы ни о чем не догадываемся и, словно тупые деревенские парни, ничего не поняли. А тем временем подроемся под Молибогу!

– Успеем ли до нового выстрела? – скривился Леонид, снимая трубку телефона.

– Надо успеть! – жестко сказал Снегирев. – Ты кому звонишь, в милицию?

– Нет, – откликнулся Пак, набирая номер. – Туда еще успеется. Надо предупредить Генкина, чтобы распорядился насчет похорон и поминок... Алло, Арнольд Григорьевич? Прости, что так рано, но случилось несчастье: погиб Борис Владимирович...

Наблюдая за ним, Александр Александрович прикидывал – удастся ли еще поладить с Корейцем, как он умудрялся ладить с недоверчивым и скрытным Адвокатом, зачастую старавшимся вести за спиной советника, да и не только его, свою игру в криминальных кругах? Леонид – человек иного склада, но у него нет того опыта и чутья травленного волка, какими обладал Борис Владимирович. А это иногда так много значит в жизни!

Пока ясно одно – надо постараться любыми мерами избежать открытой войны и поближе сойтись с Паком. Он прав, сказав, что нужно все успеть сделать до новых выстрелов.

– Да, несчастье не приходит одно, – сказал в телефонную трубку Кореец. – Я надеюсь на вас, Арнольд Григорьевич.

– Что еще? – советник встревоженно посмотрел на Леонида. – Или... кто еще?

В груди у него вдруг возникло неприятное щемящее чувство: неужели все его умствования – просто прах, и он уже не успел до новой жертвы?!

– Сегодня ночью скончался от инфаркта Юри, – сообщил Пак.

– Юри?! – вскинулся Снегирев. – Где оборудование, известно? И точно ли, что это был инфаркт?

– Точно, – Пак бросил трубку и грязно выругался. – Все один к одному! Теперь мы тоже остались без хорошего технического специалиста!

– Хорошего, не то слово, – сожалеюще причмокнул губами советник. – Второго Юри нам вряд ли удастся найти.

– Искать тебе! – отрезал Кореец. – И поскорее! Поминки устроим общие: нечего швыряться бабками, и так расходов выше крыши.

Александр Александрович согласно кивнул. Новость о Юри была крайне неприятной по целому ряду причин многими из которых он ни за что не пожелал бы поделиться с Леонидом. Пак – человек, не обладающий развитым воображением, он просто не поймет всех тонкостей. Но выбирать не приходится и надо работать с тем, с кем приходится работать. Однако делиться всеми своими мыслями и сомнениями он с Паком не станет, как не делился ими и с покойным Адвокатом.

– Этого малого, дежурного телохранителя придется оставить здесь на растерзание операм из милиции, – вздохнул Снегирев. – Потом потихоньку уберем его с глаз подальше, а там и проведем свое следствие. Кто будет звонить стражам порядка? Наверное, лучше это сделать мне?

– Да, – без раздумий согласился Пак. – Но подожди, пока я не проверю всю квартиру. Наверняка, у Бориса оставались какие-то бумаги, ценности. Зачем их отдавать волкам в красных шапочках?

– Тогда поторопитесь, – Александр Александрович потянулся и встал. – А парня давайте сейчас мне, я объясню ему, что и как отвечать на вопросы. Ты, когда закончишь, исчезай отсюда вместе со своими ребятами. После этого я позвоню.

– Хорошо, – кивнул Кореец. – Но смотри, Саша, если мы не успеем!

Снегирев сразу понял, о чем он, и натянуто улыбнулся:

– Я же не могу знать, каких козырных тузов припрятал в рукаве тезка господина Молотова? Но выстрелов постараюсь не допустить. Поверь, это и в моих кровных интересах.

– Надеюсь, – сухо кивнул Пак и протянул советнику руку. – Будем работать?

– Будем! – вполне искренне ответил Снегирев, пожимая жесткую ладонь Корейца...

Больница, куда Петр отвез документы Юри, произвела на него удручающее впечатление – полное равнодушие персонала, казалось, въевшийся в стены запах хлорки, карболки и каких-то лекарств, невообразимым образом смешавшийся с запахами вчерашнего больничного харча, явно не отличавшегося высокой калорийностью. Хотелось поскорее вырваться из этого замкнутого, давящего на психику больничного мирка и вдохнуть полной грудью пусть отравленный выхлопными газами, но все же более чистый воздух.

А тут еще, когда он ехал обратно, словно нарочно увидел, как санитар в грязно-зеленых хирургических штанах выволок к помойке большой пластиковый бак, доверху набитый бинтами и ватой с бурыми пятнами – то ли крови, то ли йода. Вывалил все это в жестяной бак и, насвистывая, пошел обратно. Наблюдавшему за ним Меркулову вдруг почудилось, что среди этих обрывков бинтов и комьев ваты могут найтись и части того, что еще недавно принадлежало живым людям! От таких мыслей стало совсем тошно, и он, выехав на проспект, сам не зная почему, поспешил к церкви Ивана Воина на Якиманке.

Храм был уже открыт. Петр купил несколько свечек, поставил их перед иконами Николая Угодника, Пресвятой Божьей Матери и на канун, прошептав памятные еще с детства слова поминальной молитвы, которой научила его бабушка. Пусть Юри был неверующим, пусть лютеранином или католиком, но милосердный Бог един на небесах, и пусть он с миром примет

душу новопреставленного раба Ояра, простит ему грехи вольные и невольные, совершенные на земле, среди таких же грешных людей.

Выйдя из храма, Петр почувствовал какое-то облегчение на душе и, немного подумав, решил заехать на квартиру дочери – взять «вальтер». Ночное происшествие с машиной не шло из головы. Нет, стрелять он ни в кого не собирался, но все же иметь боевое оружие значит многое – даже выстрел в воздух способен отрезвить весьма горячие головы.

Квартира дочери встретила гулкой тишиной и легким запахом пыли нежилого помещения. Казалось бы, уехали молодые неделю назад, а поди же ты? Раскрыв сумку, Петр вынул кобуру, расстегнул ее и вытащил пистолет. Магазин был полон. Загнав патрон в ствол: без этого пистолет – кусок железа в руке, а бывает, любая секунда дорога, – он поставил «вальтер» на предохранитель и сунул в карман куртки. Прилаживать на себе ремни подмышечной кобуры нет времени – поскорее хотелось домой, под душ, выпить чего-нибудь и лечь в постель. Поэтому он засунул пустую кобуру в сумку и на всякий случай кинул туда же пачку с патронами...

Поставив машину на обычное место во дворе, Меркулов бросил взгляд туда, где еще недавно стоял серенький жигуленок Ояра. Сейчас там уже успело наместить немного снежку, который, наверняка, растает не сегодня, так завтра: рано еще зиме вступать в свои права. Чуть в стороне, сияя лаковыми боками с пятнами засохшей грязи, гордо застыл «джип-чероки» Витька. Наверное, и у него веселье закончилось, а теперь компания спит вповалку, где свалил хмель.

Петр не стал ждать лифта, который стоял на последнем этаже, и медленно поднялся к себе, ощущая, как от нервного перенапряжения слегка подрагивают колени. Раньше с ним подобного не случалось. Впрочем, раньше с ним не случалось многое из того, что случилось теперь...

На лестнице у его площадки стояли два незнакомых парня в коротких куртках на меху, модных джинсах и крепких ботинках.

Меркулов скользнул было по их лицам устало-равнодушным взглядом, но тут же внутренне напрягся – никогда не подводившее чутье подсказало: они пришли по его душу.

– Петр Алексеевич? – загораживая ему дорогу, вежливо осведомился первый. – Извините за визит без предупреждения, но мы за вещами Ояра Яновича.

– У меня нет никаких вещей, – отрезал Меркулов и опустил руку в карман, где лежал «вальтер». – Уходите!

– Давайте все решим как интеллигентные люди, – миролюбиво предложил второй, но Петр уже знал цену «миролюбивых» предложений.

– Я сказал: уходите!

Он хотел выхватить оружие, но его опередили. Резкий удар в голову на миг погасил сознание и перед глазами поплыли черно-радужные круги, а с другой стороны с такой силой рванули за рукав, не позволяя вытащить руку из кармана, что ткань куртки лопнула, как гнилая, и Меркулов, сбитый с ног, в мгновение ока оказался стоящим на коленях между двумя невозмутимо спокойными парнями, делавшими привычную работу. Благо рука, сжимавшая рукоять «вальтера», так и осталась в кармане. Шапка с головы Петра упала, и, глядя на его успевший изрядно поседеть затылок, один из парней презрительно процедил:

– Мозгляк! Где ключи?

Меркулов вспомнил, как известнейший в свое время специалист по боевым искусствам Джон Гилсби рассказывал о старом уличном бойце, сумевшем и его победить в поединке одним приемом, которым он пользовался всю жизнь. И прием этот назывался «Неожиданность»!

«За мозгляка ты мне ответишь», – подумал Петр и... заплакал.

– Ребята, родненькие, – всхлипывая, жалобно причитал он, – пощадите!

Не ожидавшие подобного поворота, парни на секунду растерялись, за что им тут же пришлось сурово поплатиться. Резко взмахнув левой рукой, Меркулов нанес одному из них жестокий удар кулаком в пах. Тот без звука сложился пополам и рухнул, застыв в позе зародыша, словно его внезапно скрючили жуткие судороги. Рванувшись вверх и распрямляясь, Петр попытался достать второго затылком в лицо, но противник оказался проворным и хорошо подготовленным – он отшвырнул Меркулова так, что тот отлетел к стене, больно приложившись об нее спиной, и тут же ринулся на него в атаку, намереваясь добить, растоптать прикинувшегося немощным упрямца.

С несвойственным ему злорадством краем сознания Петр успел отметить, что его удар головой все же достиг цели – лицо парня заливала кровь из носа и рассеченной брови. Рванув руку из кармана, Меркулов наставил на него «вальтер», и парень застыл, как в детской игре «замри», словно внезапно наткнулся на невидимую, но непреодолимую стену. Как замороженный, глядя в черную дырочку ствола, он нелепо шмыгнул разбитым носом и медленно попятился.

– Уходите! – просипел Петр. – Еще раз попадетесь на глаза – положу обоих! Не суйтесь больше, застрелю!

Парень судорожно сглотнул слюну, схватил приятеля за воротник куртки и, не спуская глаз с пистолета, чуть подрагивавшего в руке Меркулова, поволок стонавшего от боли подельника вниз по лестнице, что-то беззвучно шепча окровавленными губами.

Петр тяжело поднялся и, уже открыв дверь квартиры, услышал, как снизу громко крикнули:

– Мы тебя все равно добьем, сука!

Первым позывом было кинуться за этими подлецами вниз и... Но он сдержался.

Войдя в прихожую, закрыл дверь на все замки. Положил пистолет на стул и медленно, страшно медленно разделся. Потом прошел в ванную, включил воду и встал под прохладный душ. Пуская то холодную, то горячую воду, он чувствовал, как постепенно уходит из тела боль и успокаиваются взбудораженные нервы. Выключив воду, докрасна растерся жестким полотенцем, накинул старый махровый халат, прошаркал шлепанцами в комнату и рухнул на диван, почти мгновенно провалившись в похожий на забытые сны. И в тот краткий миг прихода освобождающего от усталости забытья от него на некоторое время отлетело все – горечь поражений, тревоги и невозвратная боль потерь...

Проспал он часа полтора и побудился, как от толчка в плечо. Разом сел, растер лицо ладонями и поплелся на кухню – перекусить. Сварил кофе покрепче, поджарил яичницу с беконом и сел за стол. Допивая кофе, закурил сигарету, принес из прихожей «вальтер» и положил его на стол, рядом с коробочкой телефона сотовой связи.

Неожиданно он мелодично зазвонил. Немного поколебавшись – наверняка, звонили не ему, а уже покойному Ояру, – Меркулов взял трубку и щелкнул тумблером.

– Да!

– Петр Алексеевич? – голос в наушнике был совершенно не знаком. Черт бы их побрал, всех этих неизвестных! Откуда они его знают и как умудряются разыскать?

– Я, – не стал отнекиваться Меркулов.

– С вами говорит Арнольд Григорьевич, с работы покойного Ояра Яновича.

– Вы уже знаете, что он?.. – удивился Петр.

– К сожалению, – Арнольд Григорьевич выдержал легкую паузу. – Поверьте, для всех нас большая потеря. Хочу сообщить вам, что похороны состоятся через два дня, на Николо-Архангельском кладбище.

– Похороны? – удивился Меркулов. – Разве тело Ояра не повезут в Ригу?

– Простите, – собеседник немного замялся. – Я не совсем точно выразился. Состоится кремация, а потом вдова заберет прах мужа. Знаете, сейчас все не дешево, и так значительно удобнее. Понимаете?

– Понимаю. Спасибо за сообщение.

– Обязательно приходите, – попросил настойчивый Арнольд Григорьевич. – Все-таки нужно проститься со старым приятелем. Да, мне несколько неудобно просить вас, но не забудьте, пожалуйста, прихватить и телефончик: он служебный и, как вы понимаете, денег стоит.

– Что еще прихватить? – поинтересовался Петр не предвещающим ничего доброго тоном.

– Больше ничего. Разве, цветы? – Арнольд Григорьевич либо не понял, либо умело сделал вид, что ничего не понимает. – Я сам к вам подойду. До свидания.

Меркулов, не попрощавшись, отключился и бросил трубку на стол. Все! Уже и день кремации определили. Быстренько они там все проворачивают. Но кто они?

Он еще не успел примять в пепельнице окурков, как зазвонил его собственный, отнюдь не сотовый телефон. В наушнике раздался незнакомый голос:

– Алексеич? Привет, это Дима из гаража.

– Какой Дима? – не понял Петр. – Из какого гаража?

– Ну, ты ночью жигуленок в «ракушку» ставил? – напомнили ему.

– А-а... В чем дело?

– Плохие новости. Машинку увели.

– Как это? – удивился Меркулов. – Как увели?

– Сломали замок моей жестянки и украли, – объяснил хозяин «ракушки». – Как с оплатой будем разбираться? Подъедешь?

– Да ну к черту! Оставь себе. Все, будь здоров! И никуда не заявляй, понял?

Бросив трубку, Петр зло выругался – идиот, как он не мог сразу догадаться, что хотел сказать ему Юри и отчего он так дергался?! Наверняка, в машину Ояра где-то воткнули радиомаячок, а после того, как приятеля увезли в больницу, голова Меркулова была занята другим и он не мог, да и не имел времени и аппаратуры, чтобы проверить «лайбу» Ояра. Он искал одно, а надо было искать совершенно другое! Вот почему все остальное происходит столь быстро. Значит, Юри связался с весьма серьезными людьми, коли на его жигуленок прилепили радиомаяк, по сигналам которого можно легко определить, где находится машина.

Но ведь в ней могло еще что-то остаться? Не из-за старых же «жигулей» горит сыр-бор? Кто ее взял, эту проклятую серую «лайбу», пробежавшую не одну сотню тысяч километров? Кому она так понадобилась? Только тем, кто вклеил на нее маяк! И вообще, возникает масса других вопросов. Да еще разбитая морда вдобавок, и угроза последних визитеров разделаться с ним. Кто их прислал за вещами Юри – неужели недавно звонивший приторно-вежливый Арнольд Григорьевич? И существует ли какая-либо связь между вертевшимися ночью во дворе парнями и похищением «лайбы», между этими парнями и поджидавшими Меркулова на лестнице по возвращении из больницы? Наверняка, существует, но нащупать ее сейчас просто невозможно. А еще надо бы порыться в телефонных книжках и отыскать номер Лидки Юри в Риге – должна же она наконец узнать, что сегодня ночью стала вдовой?..

Все менялось на протяжении лет – политические режимы, денежные знаки, система мирового сообщества государств, только большая, теплая, оренбургской вязки бабушкина шаль оставалась неизменной. Когда ты был маленьким, в нее заворачивали тебя, потом твоих несмышленишек, а теперь, постарев, с удовольствием заворачиваешься в нее сам. После в нее станут заворачивать внуков, – дай то Бог, чтобы они появились, – так эта шаль и сопровождает тебя всю жизнь, как верный, молчаливый и преданный друг, всегда готовый прийти на помощь.

Завернувшись в шаль, Петр сел к аппарату и начал дозваниваться в Ригу. Международная связь работала не лучше междугородней и по заказанному им номеру никто не отвечал – то ли Лидия Юри сменила номер телефона, то ли переехала. Какая разница, если в трубке долгие гудки? Как и где отыскать теперь ее номер телефона или ее саму? Знакомых в Риге почти не осталось, а зачем тратить зря деньги на оплату переговоров?

На миг Меркулову даже стало жалко тех долларов, которые он так щедро разрешил оставить себе владельцу «ракушки». Просто в тот момент казалось, что, получив столь щедрую подачку, Дима просто заткнется и не станет трепать языком о происшествии, но теперь все представлялось в несколько ином свете – наоборот, он, наверняка, поделится с кем-нибудь, иронизируя по адресу лоха, зазря отдавшего баксы. Да ладно, черт с ним, сделанного все одно не воротить: перезванивать и затевать новые переговоры с владельцем жестяного гаража не было ни малейшего желания.

Оставив телефон, Меркулов пошел в ванную, открыл аптечку с лекарствами и долго копался в ней, стараясь разобраться в сложной системе жены, рассовавшей все по разным коробочкам и баночкам – он искал снотворное, поскольку без него, наверняка, не заснуть. Наконец отыскалась упаковка родедорма. Скривив губы, Петр прочел в листовке, приложенной к коробочке, что данное лекарство с успехом используется при лечении нарушения сна у алкоголиков. Однако та же листовка обещала вскоре после приема таблетки наступление крепкого сна на восемь часов, и Меркулов проглотил ее. Взял на кухне «вальтер», проверил замки на двери и улегся на диване, сунув оружие под подушку.

Как ни странно, таблетка начала действовать достаточно быстро и вскоре он провалился в сон – глубокий и крепкий, сотворенный силой химического препарата. Но природа оказалась хитрее, она отыскала лазейку и там, подсунув странные сновидения. В них Петр расхаживал по каким-то непонятным залам среди совершенно незнакомых людей, скользивших мимо, как тени рыб под водой, пронизанной лучами щедрого летнего солнца. А потом прозвенел сигнал, и все они устремились куда-то, оставив его одного...

Меркулов открыл глаза и обнаружил себя лежащим на диване под старым бабушкиным вязаным платком и махровым халатом. Как ни странно, но второй раз за последние сутки его сон прерывал телефонный звонок. Первый повлек за собой целую цепь неприятных событий, а что принесет второй? Похоже, опять надывается трубка сотовой связи?

Запахнувшись в халат, Петр встал и прошел на кухню, где на столике лежал сотовый телефон. Честно говоря, он в душе надеялся, что, пока доберется до кухни, телефон прекратит трезвонить, но абонент, видимо, отличался упорством носорога. Может быть, это опять Арнольд Григорьевич?

– Да! – рявкнул в микрофон Меркулов.

– Господин Питер Алексеевич Меркулов? – хрипло осведомился невидимый собеседник. Говорил он с легким акцентом, и Петр готов был поставить один против ста, что это прибалт. Скорее всего, латыш. Это уже становилось жутко интересным. Неужели следует ждать новой серии невероятных приключений? Вот уж дудки!

– Я, в чем дело?

– Хотелось бы встретиться и переговорить по некоторым вопросам. Дело, не терпящее отлагательства, поверьте, иначе я не стал бы вас беспокоить.

Меркулов поглядел за окно – на город уже опять спускались серые осенние сумерки. Значит, проспал он не меньше семи-восьми часов? Какие могут быть к нему важные, не терпящие отлагательства дела у незнакомого прибалта, да еще на ночь глядя?

– Кто вы? О чем хотите поговорить?

– Я представляю друзей Хюри, и разговор, естественно, будет о нем, – не стал скрываться собеседник. В его устах фамилия Ояра так и прозвучала «Хюри», как ее мог произнести только его соплеменник. – Не в ваших интересах отказываться.

– М-да, – хмыкнул Петр. – Машину вы взяли? Честно?

– Мы, – без тени смущения признался незнакомец. – Не стану этого скрывать.

– Может быть, вы же и морду мне разбили, требуя его вещи? – Меркулов начал потихоньку закипать.

– Ну, как вы понимаете, не я лично, – с легкой иронией ответили ему. – Случайный эксцесс! Вся вина лежит не на руководстве, а на исполнителях. К сожалению, иногда руки не слушают голову. Я готов принести вам извинения и предоставить компенсацию за случившееся. Но для этого все равно нужно встретиться и поговорить!

– Хотите еще раз попробовать набить мне баки? Не выйдет! Я ваших ребят уже предупредил, – угрожающе сказал Меркулов.

– Да боже упаси! – немедленно отозвался незнакомый собеседник. – Я же сказал: произошло недоразумение, случайный эксцесс. Причем во многом виноваты вы сами, уважаемый Питер Алексеевич. Но давайте не станем заниматься взаимными упреками и угрозами, а встретимся и поговорим. Если не как дипломаты, то как купцы. Идет?

– Где и когда вы предлагаете встретиться?

– Мало ли ресторанов в этом Вавилоне? – усмехнулся прибалт. – Выбирайте любой и назначайте время. Как узнать друг друга, договоримся.

– Нет желания...

Петр отключился от связи, бросил трубку на стол и полез в холодильник, дабы решить, что приготовить себе на ужин. Или, может быть, съесть просто большую тарелку борща, оставленного женой?

Телефон зазвонил вновь. Прибалт действительно обладал настырностью носорога. Конечно, если это звонил он.

– Питер Алексеевич? Да, это опять все тот же прибалт!

– Что еще нужно? Я же ясно сказал, что не собираюсь встречаться с вами!

– Это неразумно, – вздохнули в наушнике. – Неразумно отказываться! Ситуация такова, что у нас есть некоторые возможности все-таки принудить вас к встрече, но делать этого совершенно не хотелось бы, честное слово! Гарантирую: встреча пройдет как на высшем уровне. В конце концов, мне известен ваш адрес и я могу нанести вам визит в любое удобное для вас время. При вашем согласии, конечно. Не беспокойтесь, придет пожилой и совершенно не представляющий никакой опасности человек.

«Первое, положим, похоже на правду, – подумал Меркулов, – а вот насчет второго?.. Очень сомневаюсь! Хотя теперь они начнут доставать, караулить, и не лучше ли разрубить узел разом?»

– Кстати, – продолжил собеседник. – Лидия Хюри уже извещена о безвременной кончине Ояра Яновича. Можете ей не звонить.

– Хорошо, – неожиданно для себя решил Петр. – Через два часа. Но без фокусов.

– Мы же договорились, – заверил незнакомец. – Спасибо, до встречи. Я позвоню в дверь два раза, длинными звонками...

Меркулов быстро принял холодный душ, переоделся и выскочил во двор. Чинить куртку не оставалось времени, и он надел пальто, сунув в его правый боковой карман заряженный «вальтер». Его «жигули» стояли на месте. Во дворе суетилась ребятня, на площадке оживленно обсуждали свои дела пара старушек, но никого чужих. Бегло осмотрев машину, Петр сел за руль и погнал на Шаболовку, на квартиру дочери.

Доехав, он быстро поднялся наверх и начал искать нужную аппаратуру в сумках покойного Ояра. Во-первых, необходимо проверить, не всадили ли и ему в машину радиомаяк или чего похлеще, а во-вторых, подготовиться к беседе с неизвестным визитером: записать ее и не позволить ему сделать то же самое с помощью хитрой электроники. По крайней мере, если не удастся не позволить, то хотя бы знать, что он тоже пытается это сделать.

Сумки Юри были просто пещерой Али-бабы для любого электронного шпиона. Быстро отыскав необходимое, Меркулов закрыл квартиру, спустился во двор и проверил машину. Слава богу, маячка на ней не было – неужели неизвестный прибалт действительно собирается играть честно? Ладно, цыплят по осени считают.

Перед тем как запереть «жигуленок», Петр оставил под панелью Торпедо небольшую коробочку электронного «сторожка» – если ему попробуют всадить маяк, «сторожок» тут же предупредит об этом. Теперь домой, наверх, тем более что остается не так много времени до появления гостя. Кстати, прилично поколесив по городу и неожиданно сворачивая в малопроезжие улочки, Меркулов не обнаружил за собой «хвоста». Странно, но факт.

Дома он переоделся, положил «вальтер» в правый карман брюк, а в левый – небольшую плоскую коробку прибора с антенной. Если гость попробует записать их беседу или у него будет радиомикрофон, передающий на записывающее устройство, расположенное вне дома, прибор тут же даст знать об этом легкой вибрацией: он словно начнет легонько и ласково похлопывать Петра по ноге, будто говоря – «смотри, дружок, не промахнись, тебя желают объегорить!»

Два долгих звонка в дверь раздались точно в назначенное время. Поглядев в глазок, Петр увидел стоявшего на площадке довольно высокого полного пожилого мужчину в мешковатом ратиновом пальто, расстегнутом на груди. Под ним виднелась кожаная куртка. В руке незнакомец держал пухлый сверток, перетянутый бечевкой. Меркулов открыл, держа руку в правом кармане брюк.

– Добрый вечер! – приподняв шляпу, хрипло поздоровался незнакомец. Петр оценил его такт: он не сунул ему руку, якобы демонстрируя открытые дружеские намерения.

– Проходите, – предложил хозяин, пропуская гостя в прихожую. Наметанным взглядом он сразу определил, что пальто у гостя из дорогого шотландского ратина, но не модного покроя и слишком широкое, поэтому выглядит несколько мешковатым.

– Это вам, – незнакомец протянул Петру сверток. – Так сказать, маленькая компенсация.

– Что это?

– Новая куртка, – без приглашения снимая пальто, откликнулся гость. – Кожаная, с отстегивающейся меховой подкладкой. Как раз вашего размера. Берите, я полагаю, вашу даже в ремонт не возьмут.

– Спасибо, – Меркулов небрежно отложил сверток. – Проходите на кухню, там удобнее.

– Благодарю.

Как бы сделав приглашающий жест, Петр незаметно провел рукой сверху вниз по одежде незнакомца, слегка касаясь ее спрятанным в рукаве датчиком, и сразу же в кармане суетливо захлопал по ноге прибор – будь настороже, хозяин!

На кухне гость уселся за стол, вынул из внутреннего кармана такой же широкой, как и пальто, сшитой из дорогой кожи и наглухо застегнутой куртки плоскую фляжку, украшенную затейливым эмалевым гербом, чем-то напоминавшим герб герцогов Мальборо.

– Коньяк. Хороший коньяк. Примем по глоточку за встречу и успех переговоров?

– У меня есть альтернативное предложение, – усмехнулся Меркулов. – Для успеха переговоров я предлагаю пройти в ванную, раздеться догола и пустить воду. Тогда и поговорим.

Из-под набрякших век на Петра остро взглянули темные глаза, столь не характерные цветом для уроженцев Прибалтики.

– Я не совсем понимаю, – поставив фляжку на стол, развел руками гость. – Это шутка?

– Если не хотите отправляться в ванную, то отключайте свои записывающие и передающие устройства и кладите их на стол, – пожал плечами Меркулов. – Иначе никакого откровенного, да и просто разговора у нас не состоится.

– Вы хороший специалист, – уважительно кивнул гость. Отвинтив крышку фляжки, он глотнул из нее, более не предлагая хозяину. Потом вынул из нагрудного кармашка миниатюрный плоский диктофон величиной не более визитной карточки, отсоединил от него микрофон

и выдернул из-за лацкана булавку, одновременно служившую антенной миниатюрному радио-передатчику-микрофону.

– Это все. Как на исповеди!

– Разрешите, я проверю?

Меркулов вновь провел около него датчиком. Гость не обманул. Теперь действительно можно говорить. Но каков гусь пожаловал?

– Давайте будем взаимно вежливы, – предложил визитер. – Положите на стол ваши приборы и пистолет. Я без оружия. Кстати, вы можете называть меня Арвидом.

Петр сел напротив, вынул свои приборы, а под правую руку положил «вальтер» покойного Юри. Арвид покосился на вороненый ствол и заметил:

– Теперь наступает время откровенности? Мы станем говорить здесь один на один, с глазу на глаз, без любых свидетелей, даже электронных? Никто из нас ничего не пишет и не передает за пределы этого помещения? Учтите, я не имею возможности проверить каждый дюйм вашей квартиры.

– Можете не беспокоиться, – заверил хозяин. – Итак, я вас слушаю.

– Видите ли, – осторожно начал Арвид, как забрало опустив на колючие глаза набрякшие веки и упорно глядя в стол. – Мы с покойным Хюри были большими приятелями, если не сказать друзьями, и по моей просьбе он выполнял здесь некоторые поручения деликатного свойства.

– Скажите прямо, – перебил его Петр, – вы из резидентуры латвийской разведки?

Арвид поднял на него глаза. Сейчас они не казались такими колючими, скорее в них застыли невыразимая печаль и удивление.

– Разведки? – недоуменно повторил он. – Извините, но я не сторонник подобных категоричных определений. Просто я представляю в Москве одну коммерческую организацию, скажем так, фирму. А у нее есть свои интересы.

Петр молча кивнул. Арвид ловко вывернулся, как травленный волк поднырнув под флажки и заматавая следы. Естественно, они не верят друг другу и вряд ли поверили бы, даже если бы их в свое время свел нос к носу покойный Юри и попросил любить и верить друг другу.

– В чем они заключаются? – продолжал допытываться Меркулов.

– У каждой фирмы разные интересы, – с саркастической ухмылкой ответил Арвид и глотнул из своей фляжки с гербом. – Сейчас эти интересы заключаются в том, что нам крайне хотелось бы осмотреть вещи покойного Хюри. Все, что было при Ояре в тот трагический вечер, когда он приехал к вам. Не стану скрывать, машина уже проверена, но не волнуйтесь, – он выставил перед собой ладони, – ее передадут вдове, я вам клянусь! Лидия получит ее в целостности и сохранности и даже в лучшем состоянии, чем оставил машину Ояр в вашем дворе.

«Лихо у него все получается, – как-то отстранение отметил Петр, – про машину он это так, с заходом, интересуется его совсем не старая «лайба». Боюсь, даже не оборудование или пистолет. Но что? Как бы догадаться?!»

– И теперь? – как бы подтолкнул он Арвида.

– Теперь нам хотелось бы осмотреть его сумки, – гость откинулся на спинку стула и достал из кармана куртки пачку «Житан», жестом испросив разрешения закурить. Хозяин кивнул, разрешая, и подвинул ближе к гостю пепельницу.

– Можете не волноваться, мы ничего из них не возьмем, – прикурив, он посмотрел прямо в глаза Петру. – Только посмотрим. У Ояра могла быть с собой одна маленькая штучка. Она нам очень нужна, а вы за хлопоты получите приличные деньги. Естественно, в валюте. Аппаратуру все равно заберут другие люди. Она приобретена при нашей помощи, но нам не принадлежит.

– А та штучка, которую вы страстно желаете найти?

– Она наша! – жестко ответил Арвид. «Любопытно, – подумал Меркулов. – Что они хотят найти, чем таким завладел здесь Ояр, в какие дела впутался и кому принадлежит аппаратура? А этот Арвид не прост, ох не прост: полчаса проговорили, а ясности пока ни в чем и никакой».

– Чем здесь занимался Ояр? Вы можете сказать?

– Работал, – меланхолично пожал пухлыми плечами Арвид.

– Где, кем? С кем и над чем работал? Почему он таскал с собой оружие? – Петр слегка коснулся лежавшего у него под рукой «вальтера». – Это же не игрушка?!

– Ну, если вас устроит, Ояр сотрудничал со службой безопасности казино «Бон Шанс», – Арвид сплюнул прилипшую к губе крошку табака.

– Им и принадлежит аппаратура?

– Да. Но мы хотим ее осмотреть раньше их. Так как, по рукам?

– Хорошо, – после некоторого раздумья согласился Меркулов. – Но вещи мы осматриваем вдвоем, здесь. Через час я привезу их, но...

– Не сомневайтесь, – заверил Арвид. – Не будет ни попыток экса², ни слежки. Никаких эксцессов! Я привык уважать правила игры, Тут рядом есть кафе, я могу подождать этот час там...

Петр проводил его и, одевшись, спустился во двор. Сел в машину и опять поехал на квартиру дочери, привычно петляя по улицам, чтобы сбить со следа возможного «хвоста». Сколько раз ему еще придется перевозить эти проклятые сумки с места на место? Теперь еще вдруг в разговоре с Арвидом выплыло известное в городе дорогое казино «Бон Шанс» с варьете, рестораном и множеством разных развлечений, которые далеко не каждому по карману. Элитное заведение, и Юри, наверняка, занимался там электроникой. Новый поворот?

Впрочем, такой ли новый – в «Бон Шанс» могут быть вложены денежки «фирмы» Арвида, а компаньоны редко полностью доверяют друг другу. Вот и ответ на вопрос. Но, вернее всего, это только один из возможных вероятных ответов, а истина по-прежнему остается скрытой во мраке неизвестности. Нужна ли она ему, даже ради памяти Ояра? Узнав ее, он все равно не вернет к жизни доброго приятеля Юри, хотя, честно говоря, их последний разговор оставил на душе Петра не слишком приятный осадок.

Нагрузившись сумками, он отправился обратно, как заведенный думая об одном и том же: отчего Арвид пошел на риск определенной откровенности? Не осталось другого выхода или за нарочитыми «откровенностью» и «доверительностью» скрывается еще более изощренная ложь? Ладно, пусть осмотрит вещи – забрать Меркулов все равно ничего не разрешит, – а там станет видно. Припарковавшись, он перетаскал сумки в квартиру и стал ждать. Минут через десять, словно выждав немного, чтобы дать хозяину отдышаться, появился Арвид.

Раздевшись в прихожей, он, нетерпеливо потирая руки, подошел к сумкам и присел перед ними на корточки. Его толстые, покрытые коричневыми никотиновыми пятнышками пальцы ловко расстегнули замочки, раскрыли коробки с приборами и ласково погладили их матово блестящую поверхность. Перебирая коробку за коробкой, открывая одну сумку за другой, Арвид дымил зажатой в углу рта вонючей сигаретой, время от времени прикладывался к своей фляжке с гербом, и молчал. Недовольно сопя, он тщательно прощупывал подкладку сумок, подложки приборов, колупал ногтем крышки, чуть ли не нюхал их и не пробовал на зуб. Обыск, а это был именно тщательнейший обыск, наконец вывел Меркулова из терпения.

– Вы можете сказать, что ищете? – Спросил он, глядя в лысоватый затылок склонившегося над очередной сумкой Арвида. Валюта и бланки паспортов совершенно не заинтересовали гостя. Чего же ему нужно, в конце-то концов?

² Экс – экспроприация, ограбление (*жарг.*).

– Я буду предельно откровенным, – Арвид сел на пол, по-турецки скрестив ноги, и снизу вверх, очень серьезно посмотрел прямо в глаза стоявшего над ним хозяина. – У него была дискета. Запаянная в пластик дискета. Вы, случаем, не видели ее?

– Нет, – отрицательно мотнул головой Петр. – Ничем не могу вам помочь. Дискеты я не видел.

– Кстати, помочь вы можете, – Арвид вновь приложился к фляжке и глубоко затянулся сигаретой. – Хотите заключить выгодное соглашение? Вы очень неплохо разбираетесь во всех этих хитрых штучках. Я имел, так сказать, возможность, убедиться. Помогите найти дискету и мы не пожалеем за нее никаких денег! Сто тысяч баксов устроит?

Меркулов на мгновение онемел от изумления: сто тысяч баксов за дискету? Что же такое на ней?

– Чем же и как я могу вам помочь? – ему стало действительно интересно.

– Занять место Юри, – просто сказал Арвид.

– Занять место Юри? – криво усмехнулся Петр. – Уж не хотите ли вы предложить мне стать покойником?

– Бросьте, я не шучу, – досадливо отмахнулся гость. – Вы не так меня поняли. Ояр работал на казино «Бон Шанс», и я предлагаю вам устроиться на его место. Согласны?

Такое предложение несколько озадачило хозяина, и он прямо спросил:

– Зачем это мне? Насколько я понял из последнего разговора с Ояром, там крутой криминал, а тут еще примешивается политика, как бы вы ни хотели меня уверить в обратном. Я не мальчик-первоклашка, который верит рассказам про коммерческие фирмы. Какой смысл совать голову в петлю, даже за сто тыщ зеленых? И что я там буду делать?

– Со временем узнаете сами, – спокойно ответил Арвид, – а криминал и политика частенько идут рука об руку. Главное, слушайте нас и выполняйте то, что вас там просят сделать. Но главное, ищите дискету: она могла остаться там, в казино «Бон Шанс». Как только обнаружите ее, сразу выходите из игры.

«Выйти не дадут, – понял Меркулов. – Даже сейчас уже не дадут выйти из игры, в которую поневоле вляпался, если только попробуешь начать вертеть задницей в разные стороны и вести себя, как переездная сваха. И «вальтер» не поможет. Челюсти тут стальные! Да, сделал Ояр подарок своим последним появлением, а теперь тянет за собой давнего соперника в любви на тот свет. Говорят, самую приличную компанию можно собрать именно там: выбор шире! Но это мало утешает. Получается, я уже шагнул за черту: сейчас выйти не дадут прибалты, а потом бандиты?»

– Как это вы доверитесь мне, совершенно незнакомому человеку, и пристроите туда, в это казино? – сделал попытку отвертеться Петр.

– Мы знаем о вас больше, чем вы думаете, – Арвид отхлебнул из фляжки. – А как пристроим, наше дело. Главное – дискетка!

– Что на ней?

– Честно, не знаю, – гость прижал к груди пухлые ладони. – Знал только Юри, но там нечто очень важное! Когда найдете, передайте ее нам не вскрывая запайки – и деньги ваши. Я готов оставить задаток.

Он вытащил из портмоне и положил перед собой на пол банковскую упаковку стодолларовых купюр.

– Видимо, я вынужден согласиться? – склонил голову на бок Меркулов.

– Видимо, – грустно кивнул Арвид. – Другого выхода у вас просто нет, да и, честно говоря, я вам его не оставляю! Кстати, отдайте мне «вальтер»: Ояр получил его от меня, а на вас никто больше не нападет. Даю слово! А с оружием еще влипните в неприятность.

– Хорошо, – скучно согласился Петр. – Забирайте. Хотя жалко расставаться.

– Понимаю. Вещи оставьте у себя, люди из казино заберут их, но молчок обо мне! Поняли?! И не забудьте проститься с Ояром, это очень важно. А в казино за вами приглядят...

«Час от часу не легче, – тоскливо подумал Меркулов, – Такое ощущение, словно ненадолго влетел в огромную липкую паутину...»

Снегирев и Пак обедали вдвоем в отдельном кабинете ресторана казино «Бон Шанс». Кореец был мрачен и молчалив, поэтому Александр Александрович старался особо не документировать новому шефу разговорами, – хватило и Генкина, который встретил их перед обедом и, провожая в кабинет, успел во всех подробностях расписать предстоящую процедуру похорон и поминалок Бориса Владимировича и Ояра Юри. Обстоятельный и деловитый Арнольд Григорьевич все уже заранее рассчитал чуть не по минутам и распределил все роли: сколько нужно машин, сколько человек с венками и цветами, их стоимость, продолжительность гражданской панихиды и число ораторов.

– Не затягивай, – буркнул недовольный сегодня всем миром Пак. – Наверняка, притащатся опера из ментовской конторы и не только разуют глаза, но и развесят уши. Надо скромно, но дорого, быстро, но без торопливости. Соблюдаем благопристойность, и аминь!

– Так и будет, – заверил Генкин.

– Для поминок нужен ресторан с отдельным залом, – напомнил Снегирев, – чтобы не просочились чужие.

Наконец Генкин, обговорив все детали и получив необходимые распоряжения, ушел и они остались вдвоем.

– Какие новости в милиции? – закусывая нежной лососиной, поинтересовался Кореец.

– Особенно никаких, – разочаровал и одновременно обрадовал его Александр Александрович. – Выстрел произведен из недостроенного здания. Ну, знаешь, коробка метрах в ста? Вот оттуда, с крыши. Гильзы не нашли, никаких следов, свидетелей, кроме нашего дежурного телохранителя, нет.

– Они его допрашивали?

– Да.

– И что?

– А ничего, – развел руками Снегирев. – У нас официально зарегистрированная охранная структура, парень был при исполнении обязанностей... Я этого Серегу прекрасно проинструктировал. Помусолят и отстанут, а потом возьмемся за него сами. Хуже, что друзья милиционеры поговаривают о силовых методах в экономике.

Пак настороженно поднял голову, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя, отозвавшегося на последние слова советника.

– Неужели просочилось что-то о предложениях Молотова? Честно говоря, я предпочел бы, чтобы они хоронили Бориса просто как некогда знаменитого Адвоката и радовались, что еще одним из старых зубров стало меньше.

– Попытаемся все повернуть в эту сторону, – кивнул Александр Александрович. – У покойного остались старые связи в милиции, вот их и потревожим. Конечно, расходы...

– И так деньги текут рекой, – Пак отодвинул пустую тарелку и, прежде чем приняться за первое, – им принесли сразу все блюда, чтобы официант не мешал разговорам, – напомнил: – мы остались и без прекрасного специалиста-слухача. Помнится, ты обещался найти ему замену?

«Быстро он входит в роль короля и все усваивает, – отметил про себя Снегирев. – Ладно, пусть цацкается с короной и шутами, принимает знаки поклонения и тешит самолюбие. Пусть! От нас не убудет. Но дело справлять надо. Попробовать ему подсунуть справочку сейчас? Говорят, во время еды кровь отливает к желудку и голова хуже соображает».

– Конечно, конечно, – вслух согласился он. – С этим тянуть никак нельзя. Я тут приготовил кое-что, взгляни, пожалуйста.

Александр Александрович раскрыл свою папку и через стол подал Корейцу машинописную справку.

– Что это? – спросил Пак.

– Как говорят, объективочка на некоего Петра Алексеевича Меркулова. Кстати, доброго и старого приятеля покойного Юри. Именно в гостях в доме Меркулова Ояру стало плохо, и отправил его в больницу именно Петр Алексеевич, сохранив все вещички вдруг решившего слинять Юри.

– Любопытно, – Пак быстро пробежал глазами по строкам. И тут же его лицо скривилось в недовольной гримасе. – Кого ты хочешь подсунуть? Ты вообще в своем уме? Он же служил в военной разведке!

Снегирев откинулся на спинку кресла и в упор посмотрел на Корейца:

– Ну и что? Зато он классный специалист, а служил там в молодые годы, и его вышибли оттуда за бабские дела. Между прочим, я до выхода на пенсию не один десяток лет прослужил в не менее серьезном ведомстве, но со мной ты не боишься быть вполне откровенным?

– Не путай божий дар с яичницей, – буркнул Леонид. – Он, оказывается, служил вместе с Юри?

– Вот именно! – усмехнулся Александр Александрович. – И даже долгое время они ухаживали за одной женщиной, но ни один из них на ней не женился.

– Ты ее знаешь? – недоверчиво улыбнулся Кореец. – Ловок! Но вдруг они – гомики и ухаживали для отвода глаз? Или настолько глупы, что не хватило ума найти каждому свою, персональную бабу?

Довольный своими шутками, он засмеялся. Разговор начал забавлять его, но Снегирев приготовил нечто более важное, и вскоре Пак забыл о плотских шутках.

– Какие гомики? У каждого давно есть семья, в том числе и у их бывшей пассии. Кстати, дело не в ней, а в этой старой дружбе Юри и Меркулова. Последнее время Ояр начал вести странную игру, похожую на работу двойника.

– Надергал информации и решил перепродать? – насторожился Кореец.

– Не исключено, – согласился Александр Александрович. – Но обрати внимание: замечая следы, он бежит не куда-нибудь и не к кому-нибудь, а именно к Петру Меркулову. Давнему приятелю и сослуживцу молодых лет! Зачем? И оставляет у него аппаратуру, машину, которую, кстати, с трудом удалось обнаружить: Меркулов спрятал ее!

– Юри же не знал, что умрет! – возразил Пак.

– Но отправляясь в больницу, попросил приятеля спрятать машину и вещи, – парировал Снегирев. – Если не держал мысли слинять, то зачем это сделал?

– И ты решил пустить сюда его друга?

– Да, – согласился Александр Александрович. – Пустить, как мышку, которая побежит по уже известному лабиринту: наверняка, Ояр успел с ним кое-чем поделиться, а то и завещал нечто!

– Хочешь уцепиться за его хвост и добраться туда, где захоронки покойника? – догадался Кореец. Не прост его советник, ох не прост! За это ему и платят, но удастся ли его игра? Он и так затеивает одновременно несколько весьма рискованных авантур: хотя бы с тем же Молибогой.

– Да, – закуривая, продолжил Снегирев, – есть подозрение, что Юри скрыл от нас нечто и решил бежать, а через его друга я хочу размотать этот узелок. Понимаешь, в молодости закладываются многие вещи, которые не изменяются до старости, поэтому давние приятели во многих случаях начнут действовать стереотипно, вроде того как ухаживали за одной красоткой.

– Он непроверенный человек, – насупился Пак.

– Его достаточно хорошо знают некоторые наши доверенные люди, – возразил Александр Александрович. – Кроме того, господин Меркулов, пожалуй, единственный специалист по электронике, ни в чем не уступающий покойному Ояру. Это крайне ценно! И деться ему просто некуда: весь он тут, как на ладонке, вместе с семейством!

– А если он окажется хитрее нас всех, вместе взятых?

– Маловероятно, – рассмеялся советник. – Кстати, его уже пригласили на похороны.

– Поторопились, – буркнул Кореец. – В любом случае мы устроим ему проверки и возьмем под жесткий негласный контроль. Это на твоей совести, Саша! Смотри, если промахнемся!

Снегирев сделал обиженное лицо и занялся телятиной в белом соусе. Помолчав, Пак тихо заметил:

– Ты сказал, что его знают доверенные люди? На моей родине есть хорошая мудрость: смотреть на портрет красавицы, трогать ее веер, примерять перчатки и читать письма – еще не значит знать ее...

«Довольно поэтичный образ, отражающий недостаточность объективной информации о какой-либо личности», – по-своему оценил сказанное Паком его советник. И тут же отметил: а Кореец-то, оказывается, не лишен такого восточного романтизма! По крайней мере, в нем чувствуется его налет. При случае можно использовать эту черту. Однако он должен прекрасно понимать, что в нашем мире не только читают чужие письма, но и подслушивают телефонные разговоры, вскрывают корреспонденцию, подглядывают, а потом заставляют примерить не перчатки, а «деревянную телогреечку», как заставили Адвоката.

– Чей он был? – тоже занявшись телятиной, спросил Пак.

– Пока трудно сказать, – сразу поняв, что речь идет о покойном Юри и о том, на кого он мог работать помимо хозяев казино, ответил Снегирев. Хотя прекрасно знал, кому еще служил Ояр. Но надо ли все знать Леониду? Значительно удобнее знать больше хозяина и манипулировать информацией по собственному усмотрению.

– Узнаем, – уверенно заверил он Корейца. – Теперь, может быть, это даже проще сделать.

– Я думаю, не влез ли кто уже и от Чумы?

– И об этом позаботимся. Ты кушай: впереди еще столько хлопот. Наверняка, у милиционеров возникнет желание побеседовать и с нами, а это отрывает массу времени и не доставляет никакого удовольствия.

– Еще бы, – согласился Пак. – Ладно, выпьем за упокой Бориса и Ояра?

Он налил в пузатые хрустальные рюмочки водки из графинчика и они, не чокаясь, выпили...

– Надо все четко спланировать по времени, – промакнув губы салфеткой, заметил Снегирев. – Борис лежит в криминальном морге, а Ояр в обычном, больничном. Это в разных местах. Желательно подвезти их на кладбище с минимальным разрывом во времени.

– Хорошо, я предупрежу Генкина, – кивнул Леонид...

Глава 4

Два дня прошли, как в угарном дурмане – какие-то необязательные, пустые телефонные разговоры, ненужные встречи, никчемные дела, и все без души, без сердца. Единственное: Петр съездил к своим, рассказал о смерти Юри, естественно, умолчав об остальном. Да и то, жена хотя и приняла случившееся близко к сердцу, но больше из-за Петра, видя, как он переживает и даже осунулся. Однако в чем винить ее – она никогда не знала Ояра, даже не встречалась с ним, а лишь составила какое-то мнение об этом человеке по рассказам Петра, во многом окрашенным романтическими воспоминаниями юности.

А тут еще, проезжая на трамвае по Устьинскому мосту, – машину брать не хотелось и Меркулов предпочел городской транспорт, – он увидел, что снесли тот дом, в котором он жил в раннем детстве. Огромный, почти на квартал, многоэтажный, с толстыми стенами, он просто перестал существовать, и на месте его зияла проплешина пустыря. Стало как-то больно и грустно – все уходит...

Вспомнилось вдруг, как справляли праздник в детском саду и каждый должен был изображать какой-то плод. Маленькому Пете выпала роль сливы, и мама смастерила ему на веточке две сливы из старого чулка, раскрасив их, как умела: семья их жила небогато. У других ребятшек оказались красивые муляжи, и над «сливой» начали зло, по-детски, издеваться, а Петя, упрямо наклонив лобастую, стриженную «под ноль» голову, лез в драку до крови – за свое достоинство, за маму, за справедливость...

На похороны он поехал на машине: до Николо-Архангельского кладбища путь неблизкий – окраина города, за кольцевой дорогой. Влившись в бесконечный поток транспорта, Меркулов вновь вернулся к прежним мыслям, одолевавшим его последние дни.

Чего же мы, в конце концов, строим в нашей огромной стране, раскинувшейся от Тихого океана до Балтики? Если хорошенько призадуматься, то получается, что вырисовывается создание хамско-хлопающего ненасытного общества потребителей. И самое страшное – процесс его построения может закончиться тогда, когда уже нечего станет хапать! Воруют в стране все, куда ни глянь: слесарь украл железку и унес ее домой, доярка – молоко или масло. Власти разных уровней тоже воруют почем зря, но домой не несут, а стараются любыми правдами и неправдами вывезти украденное за границу. Кто же тогда, по большому счету, обворовывает страну?

Да, воровали в России всегда! Вспомнить, при Петре I – супер-вор Меншиков Александр Данилович, при матушке-Екатерине – Орловы, Потемкин, Зубовы да и многие другие. Но обожравшись в три горла, они не бежали за границу, не увозили капиталы, а оставляли все здесь и сами оставались. Никто, даже в кошмаре, не мог помыслить уехать из России: на родных просторах ставили дворцы, выписывали из-за морей архитекторов, живописцев и музыкантов. Получается, раньше не воровали на экспорт?!

Ну а теперь как остановить воровство, связанное с коррупцией? Как остановить хамское хапужничество в стране, где воруют все, почти поголовно: слесари, доярки, генералы, депутаты, министры, банкиры, предприниматели, чиновники? Наверное, остановить возможно лишь тем, чтобы поскорее все разворовали и все разделили. И тогда может случиться феномен! Нахapaвшие больше остальных паханы решат навести порядок на свой манер. Они пошлют детей в Сорбонны, как и сейчас давно посылают, зятям купят места в парламенте и создадут свой порядок! Но... он продержится лишь до тех пор, пока, почуяв сытный запах, не полезут из грязных подвалов новые голодные и злые крысы...

Не выходило из головы и предложение человека с набрякшими веками над темными глазами – Арвида. Как быстро, по-деловому, не тратя времени на ненужные сантименты, он попытался взять Меркулова за горло и зажать мертвой хваткой. Надо отдать должное человеку с

фляжкой коньяка: кое-что ему удалось. По крайней мере, его предложения не так легко отрицать, да и зацепил он на крючок любопытства и тайны – что узнал Юри и куда пропала дискета? Чем не игры в клады и морских разбойников, словно в детстве? Только вот пистолеты тогда были деревянные и убивали понарошку, а не на самом деле, навеки отправляя в небытие. Кстати, без «вальтера» стало как-то неудобно, словно ходишь теперь нагишом. Ладно, чего загадывать: как, помнится, говаривала бабушка – загад не бывает богат! Поживем – увидим, если, конечно, поживем. А пожить еще хотелось...

На площадке у кладбищенских ворот работала целая биржа: тепло одетые старички-бодрячки наперебой предлагали свои услуги по присмотру за машиной. Решив не нарушать сложившуюся здесь традицию и не выделяться из числа других, Петр тоже отсчитал одному шмыгающему носом деду несколько купюр, и тот немедленно начал ходить дозором вокруг его жигуленка.

Как и следовало ожидать, снег, выпавший в ночь смерти Юри, растаял, оставив мокрую слякоть и размешанную колесами грязь, к которой примешивалась и жирная кладбищенская глина. Дул пронизывающий холодный ветер, но небо сияло чистой голубизной. То и дело на площадке парковались дорогие иномарки, из них выходили солидные люди разных возрастов, одетые строго, дорого и со вкусом. С ними приехали несколько дам в черных шالях и темных шляпках с вуалетками. Они зябко кутались в меха и пристукивали каблукками модных сапог. Не выдержав и пары минут на свежем воздухе, дамы вновь садились в лимузины погреться. Выделялись несколько крепких парней, одетых попроще и державшихся значительно скромнее. Наметанным взглядом Меркулов определил, что они вооружены. Скорее всего, это, как стало принято выражаться, секьюрити, а проще говоря – охранники шефов, решивших отдать последнюю дань уважения покойному.

Иномарки все прибывали, старички сбивались с ног, на помощь им пришли несколько парней, но машины солидных людей охраняли их шоферы. Однако и местной братии нашлось чем поживиться. Наблюдая эту картину, Петр недоумевал – неужели вся эта солидная публика приехала проститься с Ояром Юри?

– Кого-то важного хоронят? – спросил он у старичка, вызвавшегося приглядеть за жигуленком.

– Говорят, самого Малахова, – простуженно шмыгнув носом, шепотком сообщил тот. – Знаменитая личность: Адвокат! Слыхали? Болтают, бешеными деньгами ворочал, и даже сами генералы из московской милиции не гнушались ему ручку подать. Во как! Не брезговали, что законник.

«Надо понимать, вор в законе, – дошло до Меркулова. – Вот, значит, кого провожают в последний путь солидные дамы и господа».

Подкатила еще одна иномарка – темная, быстрая, чем-то напоминавшая очертаниями прилизанного корпуса тень хищной рыбы. Из нее быстро выскочили двое крепких парней, шустро простригли глазами все пространство площадки и распахнули заднюю дверь. Появился молодой человек в темном кашемировом пальто и черной широкополой шляпе – плотный, среднего роста, очень респектабельный, вполне европейский, но чертами лица чем-то неуловимо напоминавший азиата. Он тут же стал центром внимания и по-хозяйски принялся отдавать распоряжения. Следом подкатила еще одна машина, значительно скромнее, и из нее вышел мужчина в легком темно-сером пальто строгого покроя с непокрытой редковолосой головой. На его лице застыло уныло-скорбное выражение, но глаза смотрели холодно и цепко. Однако взгляд его не был пустым взглядом бульдога, как у телохранителей, а четко подмечал все окружающее и, наверное, тут же анализировал и раскладывал по невидимым полочкам в прикрытом редкими светлыми волосами черепе. Азиат уважительно поприветствовал его, и эти двое оказались в тесном кольце приехавших на похороны.

«Интересные фигуры, – отметил Петр. – Наверное, хозяева. Теперь нужно ждать прибытия катафалка».

Он не ошибся: сопровождаемый целым эскортом автомобилей разных марок появился приземистый, длинный лаковый черный лимузин. Началась суeta. Дамы, гревшиеся в машинах, тут же очутились на площадке и стали часто прикладывать к глазам маленькие кружевные платочки. Двое дюжих молодцов вынесли портрет пожилого человека, чем-то напоминавшего сильно постаревшего известного артиста шестидесятых годов. Появились роскошные венки, замелькали букеты алых и белых роз, и процессия, сопровождая закрытый фоб из полированного красного дерева, украшенный литой бронзой, направилась к залу прощания крематория. То, что они шли за ним пешком достаточно большое расстояние, должно было свидетельствовать об очень глубоком уважении к покойному. Скорее всего, при жизни он внушал им страх, а не уважение, но в России вообще давно сильна среди всех слоев населения привычка к страху, которая порождает усталость и апатию. А власть предрежащие почему-то до сего времени испытывают уверенность в том, что лишь под давлением страха можно многого добиться, что под давлением страха перестанут убивать, грабить, бунтовать. И этот скончавшийся царек криминального мира тоже, наверняка, думал, что под силой страха не будут убивать и грабить его подданных, пока не убили его самого: о том, как умер тот, кого провожали в зал прощаний, Петр узнал от все того же словоохотливого старичка, простуженно шмыгавшего носом.

Спустя минут десять на грязной дороге показался обычный автобус-катафалк. Меркулов увидел в окне заплаканную, сильно постаревшую Лидию и понял – это привезли тело Ояра.

Впрочем, одернул он сам себя, с чего это он решил, что Лидия очень постарела? Он же видел ее последний раз много лет назад, а горе вообще никого не красит. Любили они с Ояром друг друга или нет, теперь не имело никакого значения – важно, что Лидия приехала на кремацию, а тайна их отношений пусть так и остается тайной, принадлежавшей им двоим. Хотя Юри в тот последний, трагически закончившийся вечер и приоткрыл перед приятелем часть занавеса, скрывавшего тайники его души, распространяться о его откровениях у Петра не было никаких намерений и уж тем более желания...

Один из парней, болтавшихся на площадке у кладбищенских ворот, зашел в расположенный по соседству цветочный магазин, опустил в щель таксофона жетон и набрал номер.

– Алло? Алексей Петрович? Да, я... Малахова привезли, весь цвет собрался, менты шныряют, как крысы... Что? Да, видел, оба здесь. Закончится, думаю, не скоро. Хорошо, я тогда отзовую...

Утром в день похорон Малахова исполняющий обязанности председателя совета директоров одного из банков Виталий Евгеньевич Жамин проснулся очень рано, разбуженный мерным урчанием телефона, который он обычно ставил рядом с изголовьем своей постели – они почивали с супругой в одной спальне, но на разных кроватях: Жамин всегда считал, что спать лучше одному, иначе не получишь полноценного отдыха за ночь.

Бросив взгляд на лежавшие на тумбочке часы, Виталий Евгеньевич недовольно поморщился – пять утра! Кто звонит в такую рань? Неужто банк обокрали? Но это настолько невероятно... Скорее всего, какой-нибудь подвыпивший гуляка ошибся номером или неправильно сработало соединение на линии.

Телефон продолжал настойчиво урчать – именно урчать, а не звонить, поскольку сигнал был отрегулирован так, чтобы в случае экстренных звонков не беспокоить спящую супругу. Насчитав полтора десятка звонков, Жамин снял трубку и тихо, но зло буркнул:

– Слушаю.

– Извините за ранний звонок, уважаемый Виталий Евгеньевич, – мужской голос в наушнике был совершенно не знаком. – Но есть нужда конфиденциально перекинуться с вами парой слов еще до того, как вы отправитесь в банк.

– Кто это? – боясь разбудить жену, шепотом осведомился Жамин.

– Мы пока не знакомы, – вежливо ответили ему. – Но нам действительно необходимо переговорить. Поверьте, это и в ваших интересах.

– Хорошо, – нехотя согласился Виталий Евгеньевич. Наверное, хотят сделать выгодное, но достаточно щекотливое предложение, поэтому и звонят ни свет ни заря. – Я выезжаю в девять. В это время подходите к подъезду. Знаете, где я живу?

В ожидании ответа он затаил дыхание: пущен умелый пробный шар! Что ответит незнакомец, что ему известно о Виталии Евгеньевиче, каковы его истинные намерения? Ну?

– Да, конечно, – заверил незнакомец. – Нам известен ваш адрес, но разговор желательно провести без свидетелей, а за вами в квартиру заходит водитель. Лучше избрать иной вариант.

– Иного варианта предложить не могу, – отрезал Жамин и положил трубку, но телефон заурчал вновь.

– Какого черта! – едва удержавшись от сердитого громкого окрика, прошипел в микрофон Жамин.

– Не бросайте трубочку, – вежливо предупредили его. Говорил все тот же бесстрастно-вежливый незнакомец. – Мы знаем также, где живут ваши дочь и зять, в какой швейцарский детский садик ходит внучка, где и как любит проводить время супруга. Вы же не хотите остаться совершенно одиноким?

– Что вы имеете в виду? – Жамин прекрасно понял смысл угрозы, и от страха на лбу у него выступили мелкие бисеринки пота. Но по привычке не торопиться совать голову в петлю он решил потянуть время и уточнить, насколько серьезна угроза?

– Вы все прекрасно понимаете, – на том конце провода сдержанно рассмеялись. – Если вы записываете нашу беседу, то на встречу принесете кассету, а если вздумаете заявить куда-нибудь – хоть контрразведчикам, хоть милиции, – учтите: вас не спасут ни стальные двери, ни сонм телохранителей.

«Ишь как по книжному выражается, гад, – невольно отметил Жамин. – Но чего же ему или им надо?»

– Что вам надо?

– Поговорить с глазу на глаз, – спокойно повторил незнакомец. – Принимая это предложение, вы ничем не рискуете, а вот отказываясь...

– Приходите в банк, там поговорим, – сделал последнюю попытку Виталий Евгеньевич.

– Экий вы, право, – с неподдельным сожалением сказал незнакомец. – Вам же русским языком объяснили: нужно переговорить без свидетелей. Выходите через часок прогулять собачку. К вам подойдут. Даю гарантию, что вашей жизни и здоровью на этой прогулке ничего не угрожает.

– А если не выйду?

– Придется очень пожалеть, – вздохнули в наушнике. – Я же вам все объяснил. Или есть необходимость повторять снова? Мне казалось, вы вполне понятливый человек.

– Откуда я знаю, вдруг вы хотите выманить меня из дома, чтобы убить? – прямо спросил Виталий Евгеньевич.

– Убить можно и в квартире, как, например, Малахова, – спокойно парировал незнакомец. – Слышали, наверное? Его сегодня как раз собираются хоронить. Зачем для этого выманывать на улицу? Кстати, ваш шофер-телохранитель – тоже не великая помеха, и ездите вы отнюдь не в танке. Неужели не понятно?

– Понятно, – уныло ответил Жамин, и сердце у него тоскливо заныло. Действительно, что толку кому-то заявлять или пытаться спрятаться: уже не один такой, как он, и заявлял и прятался, но конец неизменно оказывался одинаковым.

Хотят поговорить? Это внушало некоторые надежды. Речь скорее всего пойдет о деньгах – о чем еще говорить с банкиром, кроме как о финансовых делах, вернее, крупных аферах,

коль скоро настаивают на разговоре с глазу на глаз? Хотят попросить дать крупный кредит банку, готовому «взорваться» и лопнуть, и отдадут за это определенный процент? Или желают прокачать через его счета «грязные» деньги, принудив Жамину стать «прачкой» для бандитских наркодолларов? Впрочем, чего гадать, видно, придется идти. А уже при встрече попытаться точно выяснить, чего от него хотят, и постараться как-то выкрутиться из создавшегося положения – иногда ему это удавалось. И потом, кроме органов есть еще «крыша» – пусть все-таки Адвокат совершит сегодня свое последнее недолгое путешествие на Земле, – живы и здоровы Пак, Снегирев и многие другие. У них свои методы борьбы с людьми, обожающими ранние телефонные звонки.

– Хорошо, – сокрушенно вздохнул Виталий Евгеньевич. – Мне придется уступить вашему шантажу и грубым угрозам.

– Не нужно громких слов, – оборвали его. – В шесть вас ждут во дворе. Вы выходите гулять с собакой или нет?

– Выхожу, – огрызнулся Жамин. – Что еще остается?

– Захватите запись разговора, – напомнил обстоятельный незнакомец.

– Я ее не делал.

– Умница, – похвалили банкира, – но мы проверим вашу искренность. Итак, до встречи. Если вас не будет в четверть седьмого, будем считать, что вы отказались, и наши руки полностью развязаны.

– Нет, я буду!

Положив трубку, Виталий Евгеньевич встал, накинул на жирные плечи теплый халат и пошел на кухню. Сварил крепкий кофе, обжигаясь, выпил его, а потом, не выдержав, отыскал в шкафу початую бутылку коньяка и жадно сделал несколько глотков прямо из горлышка. Закурив, он поглядел за окно – внизу лежал пустой, темный двор, куда ему вскоре предстояло спуститься для встречи с неизвестным или неизвестными...

Когда он уже оделся и прицепил к ошейнику бультерьера Дика поводок, из спальни выглянула жена и сонным голосом спросила:

– Чего ради в такую рань? Оставь, он еще потерпит.

– Не спится, – стараясь казаться абсолютно спокойным, ответил Жамин и, чтобы избежать дальнейших разговоров, открыл тяжелую, похожую на сейфовую, металлическую дверь, снабженную телеглазком, позволяющим просматривать всю лестничную площадку. Он уже убедился, что на ней нет никого.

У лифта тоже было тихо и пусто. Дождавшись кабины, Жамин спустился вниз, вышел из подъезда и, поеживаясь от ночного морозца, – уже ощутимо стало прихватывать по ночам, – спустился по ступенькам крыльца. Ну, где этот незнакомец с полным мешком угроз?

Тихонько подвывал ветер, хрустели под подошвами льдинки на лужах. Дик сразу потянул к фонарному столбу – читать оставленные другими собаками «объявления». Виталий Евгеньевич спустил его с поводка и, заложив руки за спину, стал медленно прохаживаться вдоль длинного корпуса своего дома. Выходя, он поглядел на часы – было ровно шесть. Спуск в лифте и прочее заняли не более пяти минут. Так что он не выскочил, как до смерти перепуганный мальчишка, а выдержал условное время. Пока никого не видно, однако на шутку телефонный звонок тоже мало похож – за такие шуточки сейчас башку отрывают, а потом говорят, что так оно и было!

Сколько ему гулять: минут пятнадцать или, если никто так и не появится, ждать еще? Но как долго? Прикинув, Виталий Евгеньевич решил, что двадцати минут вполне хватит. Потом, в случае чего, всегда можно сослаться, что люди, заинтересованные в решении своих дел и настаивающие на встрече, не заставляют себя подолгу ждать.

В очередной раз развернувшись, он вдруг увидел, как по длинной, вымощенной бетонными плитами дорожке к нему медленно приближается одинокая мужская фигура в долгопо-

лом темном пальто и широкополой шляпе, наполовину скрывавшей лицо. Руки незнакомец держал в карманах.

«Он?» – подумал Жамин, и сердце его замерло.

Незнакомец остановился в трех шагах от банкира. Натасканный Дик тут же бросил свои дела и стрелой помчался к ним, встал между незнакомым мужчиной и Жаминым, чуть наклонив похожую на свиное рыло морду, и беззвучно обнажил клыки.

– Уберите собаку, – ровным голосом потребовал незнакомец.

– А если?.. – Виталий Евгеньевич бросил быстрый взгляд по сторонам: не видно ни машин, ни ранних прохожих, а Дик действует быстро и безжалостно. Жамин облизнул пересохшие от волнения губы. – А если не уберу?

– Тогда я пристрелю ее, – спокойно ответил неизвестный и вытянул из кармана пистолет с глушителем.

Банкиру стало страшно. Он дрожащими руками поймал собаку за ошейник и зацепил карабин сворки, тихо приговаривая:

– Спокойно, спокойно...

Он повторял эти слова как заклинание, неизвестно кого больше успокаивая – дрожавшего от жажды драки Дика или самого себя, дабы унять возникшую нервную дрожь.

– Нехорошо, Виталий Евгеньевич, – убрав пистолет, укорил незнакомец, – Мы же собирались поговорить? А такие крокодилы могут оторвать руку. Мне не хочется стать инвалидом.

– Извините, – выдавил из себя банкир. – Собака – она и есть собака. Неразумная тварь.

– Надеюсь, ее хозяин более разумен? – усмехнулся незнакомец. – Давайте перейдем к делу. Сегодня по нашему сигналу вы должны передать через подчиненных этот текст.

Он протянул Жамину сложенную вчетверо записку. Тот взял, развернул и близоруко прищурился:

– Простите, я без очков, а еще темновато.

Неизвестный мужчина забрал у него бумажку и сам внятно, с паузами прочел. Услышав, чего от него хотят, Виталий Евгеньевич похолодел:

– За это мне потом всадят пулю в переносицу!

– Ее можно всадить и прямо сейчас, если вы откажетесь, – меланхолично пожал плечами незнакомец. – Меньше нервов, дорогой Виталий Евгеньевич! Все хорошо продумано и вас надежно прикроют, так что и комар носа не подточит! Ваша доля составит крупную сумму. Можете не сомневаться.

– Но начнут разбираться, – удерживая рвавшегося с поводка Дика, вяло отбивался насмерть перепуганный Жамин.

– Я же сказал: все продумано и предусмотрено, опасности для вас никакой. Естественно, в случае согласия. Не согласитесь вы, найдется другой человек, но тогда...

– Хорошо, давайте текст, – сдался банкир.

– Это лишнее, – незнакомец протянул ему на ладони, затянутой в тонкую кожаную перчатку, маленький странный предмет, похожий на иглу шприца, только с двумя хвостиками: один короткий, другой длинный. – Прикрепите ее за лацканом пиджака, когда отправитесь на работу. Не забудьте это сделать, иначе у нас возникнет к вам серьезное недоверие.

– Я сделаю, – покорно кивнул банкир.

– Воткните в ткань вот этим, длинным концом, как булавку, – объяснил мужчина. – В нужное время вам позвонят и напомним текст, а вы воспроизведете его по аппарату внутренней связи. И все.

– Но могут перезвонить, перепроверить, – промямлил Виталий Евгеньевич.

– А вы подтвердите, – незнакомец хотел покровительственно и успокаивающе похлопать его по плечу, но, бросив взгляд на нервно вертевшегося Дика, отказался от своего намерения. –

Надеюсь, соглашение между нами достигнуто? Где и когда получите деньги, вам сообщат по домашнему телефону. Или лучше перевести их на счет вашей фирмочки на Кипре?

«Боже, они и это знают! – похолодел банкир. – Со всех сторон, как ни кинь, получается клин, и вместо денег вполне реально схлопотать пулю. Вся разница лишь в том, когда – сейчас или несколько позже. А от кого, не так важно».

– Я хочу иметь гарантии, – немного осмелев, заявил он.

– Могу твердо гарантировать лишь одно. Если вы нас обманете, то все обещанное непременно сбудется. Непременно! Вы поняли?

– Понял, – понуро сжался Жамин.

– Вот и хорошо. Хватит гулять, отправляйтесь домой, выпейте чашечку кофе и собирайтесь на работу. И никому ни слова. Не забудьте про нашу булавочку.

Он чуть приподнял шляпу и такой же неспешной походкой, как и появился, отправился по аллее кустов черноплодной рябины, высаженной кем-то из садоводов-любителей, исчезнув в еще не рассеявшемся сумраке. Тоскливо поглядев ему вслед, банкир поплелся домой, сжимая в потной ладони странную булавку – он прекрасно понимал, что это радиомикрофон с достаточно широким радиусом действия: неизвестные собирались держать его под контролем. Как быть – ведь в банке есть своя служба безопасности и она может засечь сигналы, исходящие из его кабинета?

Впрочем, есть ли у них такая тонкая техника? Большой упор сделан на защиту денег, отпивание всяких мошенников и проверку фирм, желающих получить кредиты. Ладно, придется прикрепить эту чертову штуку, поскольку деваться все равно некуда. Хуже всего, что он оказался между нескольких огней, которые стягивались в огненное кольцо. И выхода из него Виталий Евгеньевич не видел...

Дома о странной встрече во дворе Жамин благоразумно умолчал: он принял душ, побрился, позавтракал и, переодеваясь, на несколько секунд застыл перед зеркалом, держа в руке злополучную булавку-микрофон – прикреплять ее к лацкану пиджака или нет? Виталий Евгеньевич догадывался, кто прислал к нему человека в долгополом пальто, вооруженного пистолетом с глушителем. Наверняка, оружие являлось еще одним, весьма сильным психологическим фактором давления, призванным помочь склонить банкира к согласию на сделанное предложение. С другой стороны, Жамин не сомневался: неизвестный мужчина способен пристрелить не только собаку...

Решившись, Виталий Евгеньевич аккуратно приколол булавку-микрофон за отворот лацкана пиджака, поправил галстук и, глядя на свое отражение в зеркале, постарался придать лицу обычное, озабоченно-деловое выражение. В дверь уже позвонил его шофер-телохранитель и, ступая, как на протезах, проклиная в душе все и вся, банкир отправился на работу.

Дорогой он размышлял о том, какими причудливыми путями иногда идет судьба – смерть Малахова неожиданно и страшно задела и его. Дай бог, чтобы задела только краем и все обошлось. Но под ложечкой сосало от страха, а внутренний голос назойливо нашептывал: «Это только начало долгой и страшной цепи предательств и неприятностей...»

Текущие дела на некоторое время заставили забыть, как-то отвлекли, но в одиннадцать раздался звонок прямого городского телефона и тот же голос, который он слышал ранним утром, без всякого выражения прочитал коротенький текст.

– Мне не хочется это делать, – набравшись смелости, тихо сказал Жамин.

– Нам тоже многого не хотелось бы, – так же тихо ответили ему. – Но наши люди уже рядом с вашей внучкой, зятем и дочерью. А ваша супруга сначала должна будет узнать о случившемся и только потом...

– Не надо, – простонал банкир. – Черт бы вас побрал! Я сейчас звоню.

– Не кладите трубку, – предупредили его. – Хочется услышать ваш разговор по внутреннему.

Не отвечая, Виталий Евгеньевич положил трубку городского телефона на стол и нажал клавишу внутреннего селектора.

– Это кто? Людочка? – он сглотнул тягучую слюну. Как на зло, сегодня в диспетчерской сидела девица, которая ему страшно нравилась, и он не раз мысленно представлял себе, как он с ней провел бы время наедине. И эти желания навязчиво и неотступно преследовали его.

– Людочка, – сделав над собой усилие, скучно сказал Жамин. – У меня к вам просьба: свяжитесь, пожалуйста, с Левиной и передайте, что от нас сегодня может прибыть другая бригада инкассаторов, поскольку день сумасшедший и большая загруженность. Да, прибыть могут на часик пораньше, пусть они там поторопятся.

– Конечно, Виталий Евгеньевич, – ответил девичий голосок.

– Вы удовлетворены? – взяв трубку городского телефона, зло спросил банкир.

– Вполне, – ответили ему. – Не вздумайте переиграть!

Послушав раздавшиеся в наушнике короткие пикающие гудки, Жамин бросил трубку, закурил и, откинувшись на спинку высокого рабочего кресла, долго бездумно смотрел на серую ленточку табачного дыма, медленно поднимавшуюся к потолку. Что он сейчас сделал: заработал кучу денег или пулю в затылок, одновременно подставив свою семью?..

Тем временем Людочка набрала номер главного бухгалтера казино «Бон Шанс» Галины Иосифовны Левиной и, извинившись за беспокойство, передала ей порученное шефом.

– Спасибо, милочка, – поблагодарила Галина Иосифовна. – Но мне хочется надеяться, что подобное происходит в первый и последний раз.

– Еще раз приношу вам извинения от имени банка.

– Хорошо, всего доброго. – Левина нажала на рычаги и тут же набрала номер прямого телефона Жамина: информация была достаточно серьезной, и ее следовало немедленно перепроверить.

Звонок телефона вырвал Виталия Евгеньевича из транса, в который он погрузился. Услышав голос главбуха казино, он чуть было не сказал ей всей правды, но вовремя прикусил язык, вспомнив о заколотой за лацканом пиджака булавке-микрофоне. Избавиться от нее он пока не решился.

– Да, Галина Иосифовна, слушаю вас, – промямлил он. – Сегодня такой ужасный день.

– Мне звонила Людочка, – Левина, как всегда, сразу брала быка за рога.

– Да-да, – перебил ее Жамин, не желая вдаваться в излишние подробности. – Это я велел ей позвонить вам, все правильно. Я же сказал: сегодня просто ужасный день.

– Спасибо, Виталий Евгеньевич, – главбух казино, получив подтверждение, тут же отключилась и начала звонить начальнику охраны и в кассу: предупредить их и попросить поторопиться. Воистину банкир прав, сегодня ужасный день, да еще похороны сразу двух людей, которые были тесно связаны с казино...

Алексей Петрович Молибога – низкорослый, плотный, с кустистыми густыми бровями на широком улыбчивом лице – положил трубку телефона, и красным фломастером поставил еще одну жирную птичку в лежавшем перед ним на столе листочке с перечнем мероприятий. Если бы непосвященный человек сумел заглянуть в этот список, он вряд ли хоть что-нибудь понял в закодированных записях Молибоги, но тому все было ясно, а то, как шли дела и выполнялись намеченные пункты, вселяло в Алексея Петровича оптимизм.

Весело напевая, он натянул пиджак, сложил листочек, спрятал его в карман, вышел из своего кабинета в офисе фирмы «Альтаир», миновал приемную с бдительной секретаршей и дежурным охранником, прошел по коридору и своим ключом открыл дверь запасного выхода из комнаты отдыха главы фирмы Вячеслава Михайловича Чумакова.

Очутившись в ней, Алексей Петрович по-хозяйски достал из холодильника бутылочку минеральной – шеф не признавал никаких импортных напитков, в том числе и спиртных, –

открыл ее и залпом осушил стакан. За стенкой, в кабинете хозяина, стихло тихое жужжание голосов, и через несколько минут в комнату отдыха вошел сам Вячеслав Михайлович – высокий, поджарый, лет пятидесяти, с длинным костистым лицом. Он всегда носил дорогие темно-синие костюмы-тройки, даже когда они были не в моде, и итальянские шелковые галстуки в косую полоску, считая, что здоровый консерватизм только укрепляет доверие к деловому человеку.

– Малахова уже привезли, все там, – опережая его вопрос, сообщил Молибога. – И погодка, как на заказ: мерзкая, словно специально для похорон.

– Генкин? – шеф сел в кресло и закурил сигарету, вставив ее в длинный янтарный мундштук.

– Его еще нет, – немедленно отреагировал советник. – Видно, старая крыса поедет с телом Юри. Упокой, Господи, их души с миром.

Молибога перекрестился, и сухое лицо Вячеслава Михайловича расплылось в ехидной улыбке:

– У них должны состояться веселые поминки, – он потер большие ладони и скрипуче рассмеялся. – Вот тогда пусть Господь и спасет их души! Когда ты будешь полностью готов?

– Сейчас самое время, – Чума бросил взгляд на наручные часы. – Выручку уже собрали. Как банк? Ты держишь его под контролем?

– О'кей! – Алексей Петрович, подражая иностранцам, сложил кольцом большой и указательный пальцы правой руки.

– Тогда пусть отправляются, – решил шеф. И, помолчав, добавил: – Но если эта сука Жамин!..

– Я понял, – Молибога склонил голову набок. – Тогда он станет очень одинок и, боюсь, не переживет этого.

– Вот-вот, – кивнул Вячеслав Михайлович. – Одиночество – страшная вещь. А в казино, в случае чего, пусть не церемонятся. Так и передай...

Жамин не находил себе места. Он то вскакивал и, словно затравленный зверь в клетке, метался по кабинету, не отвечая на телефонные звонки и не обращая внимания на урчание факса, а то, будто совершенно обессилев, падал в кресло, вытирая потный лоб платком и отдуваясь.

Мерно мигали электронные часы, установленные рядом с роскошным письменным прибором, но Виталию Евгеньевичу казалось, что они отсчитывают последние мгновения его бытия. Боже, какой же он идиот! Оказаться между молотом и наковальней! Вернее, между контролировавшей банк группировкой покойного Малахова, вместо которого теперь всем управляет безжалостный Пак, и враждующими с ними людьми Молотова из пресловутой фирмы «Альтаир»: ведь это именно они подослали мрачного незнакомца с пистолетом в кармане! Но, с другой стороны, что он мог или может сделать? Выбор не велик! Получить пулю рано утром, выведя собачку на прогулку, или получить несколько позже? И не все ли равно от кого – от тех или этих? Конец один. Сунули в дерьмо по самые ноздри, а вздохнуть не дадут: так и будешь захлебываться зловонной жижей! Что делать? Извечный, всегда стоявший перед русской интеллигенцией и мучивший ее вопрос приобрел сейчас для исполняющего обязанности председателя совета директоров совершенно иное, крайне актуальное значение.

– До чего же все противно, – уперевшись локтями в стол и запустив растопыренные пальцы в изрядно поседевшие волосы, простонал Жамин. И еще эта штука за отворотом лацкана!

Избавиться от нее он не решался, да и как избавиться? Не спалишь же эту штучку на пламени зажигалки и не бросишь в корзину для бумаг? Спустить в унитаз? А вдруг не утонет?

И вообще, можно ли избавиться от нее в здании банка? Не лучше ли сделать это, когда окажешься на улице?

«Если ты там окажешься на своих ногах», – невесело подумал Виталий Евгеньевич.

Но что же делать, что? Инкассацией ведает бывший милиционер Федюнин – то ли отставной подполковник, то ли майор из какого-то управления московской милиции. Подтянутый, деловитый, до сегодняшнего дня он всегда импонировал Жамину, но сейчас банкир почувал в нем страшного врага – мент сдаст его со всеми потрохами! Позвонить ему, попробовать как-то замутить воду в создавшейся ситуации, – Виталий Евгеньевич даже протянул руку и положил ее на телефон, – но тут же отказался от своего намерения. Нет, с Федюниным говорить нельзя! Худо-бедно, а за долгие годы в органах все они хоть чему-то, да успевают научиться, и если вдруг, – тьфу, тьффу! – весь ужас прокатится мимо, то у Федюнина что-то, да отложится в его круглой, коротко стриженной голове, а при удобном случае сработает. Нет, ему звонить ни в коем случае нельзя!

Позвонить в казино главбуху Левиной? А что ей сказать? Сдать себя со всеми потрохами и потом ждать визита похожего на восточного божка Корейца с его мордоворотами?

Бежать! Эта мысль пришла в голову совершенно неожиданно, и Виталий Евгеньевич ухватился за нее, как за спасательный круг. Бежать, бежать отсюда, сказаться больным, – тем более погода вон как пляшет, у всех давление, – взять жену, дочь, зятя, внучку и, не объясняя причин, убраться на машинах на дачу. Благо, она далеко от города и построена на совесть, что твоя крепость. Прихватить ружье или даже два и отсиживаться, пока все не утихнет.

Глупо? Страусиная политика? Может быть и так, плевать, но оставаться здесь выше его сил! Да, но позвонить отсюда и предупредить никого из родных нельзя: это придется сделать, выбравшись из капкана, в который превратился для него банк. И сделать это, только избавившись от проклятой штучки за лацканом пиджака. В конце концов, на даче есть телефон и всегда остается хоть призрачная, но надежда позвать на помощь в случае осложнения ситуации.

– Лидия Федоровна, – он нажал клавишу селектора, соединившись с секретарем: пожилой, очень исполнительной дамой, прошедшей прекрасную школу в партийно-советских учреждениях высокого ранга. – Отмените, пожалуйста, все совещания с моим участием на ближайшие дни и сообщите, что сегодня я никого принять не смогу. Я должен уехать. Очень плохо себя чувствую.

– Хорошо, Виталий Евгеньевич, – голос секретарши, как всегда, был ровным и успокаивающим. – Не забудьте принять лекарство. Вы выходите прямо сейчас? Я предупрежу водителя, машина будет ждать у подъезда.

– Да, спасибо. Я потом позвоню, – прекрасно зная, что лжет, пообещал Жамин.

К черту, все к черту! Он быстро собрался, сунул в портфель самые нужные бумаги, накинул пальто и вышел через запасную дверь комнаты отдыха.

Машина действительно ждала у подъезда. Плюхнувшись на заднее сиденье, Жамин, не глядя на водителя, буркнул:

– Домой.

Дорогой ему в голову пришла еще одна мысль: а не уехать ли за границу? У него достаточно денег на счетах разных зарубежных банков и даже есть небольшой домик на юге Испании, приобретенный на чужое имя. Там до него не дотянутся руки Корейца или Чумы из «Альтаира»: к дьяволу их куш! Хотя Виталий Евгеньевич прекрасно понимал, какие деньги составляют выручку казино, которую вознамерились прибрать «Альтаир» и компания. Но вот незадача, кажется, у дочери нет загранпаспорта? Впрочем, деньги решают все – оформят за пару суток. Купить путевки – и адью, господа!

Нельзя сказать, чтобы его настроение улучшилось, но на душе стало немного полегче. Дома он решительно объявил жене, что они немедленно уезжают на дачу. Не снимая пальто, перезвонил зятю и дочери и тоже, не объявляя причин, просто приказал им немедленно при-

ехать. Говорить он уже не опасался: проклятая электронная штучка лежала в мусорном баке около подъезда его дома – от нее он избавился тут же, как только отпустил машину.

Метнувшись в кабинет, Жамин открыл оружейный шкаф и достал ружья. У него их было три: очень хороший «ремингтон», простенькая тульская двустволочка и карабин, за разрешение на который он в свое время отвалил крупную взятку нужным людям. На нижней полке лежали патронташи и картонные коробочки с патронами, а также милая сердцу любого охотника мелочь – машинка для снаряжения гильз, весы для дробы и прочее. Вытащив чехлы, Виталий Евгеньевич начал упаковывать ружья и готовить патроны, искренне сожалея, что у него нет жаканов или крупной, «волчьей» картечи...

За этим занятием и застал его приехавший зять. Он недоуменно вылутился на арсенал тестя и, сняв с крупного носа очки, начал протирать и без того чистые стекла носовым платком, что служило у него признаком сильного волнения.

– А... Это ты, – не прерывая своих занятий, обернулся к нему Жамин. – Тату и Светку привез?

– Нет, я решил сначала заехать один, поскольку мне непонятно, почему вдруг...

– Немедленно поезжай за ними, возьмите теплые вещи и сюда! – не терпящим возмущения тоном приказал тесть. – Мы уезжаем за город!

И тут его осенила еще одна идея – кажется, у кого-то из родственников зятя есть дом под Клином? Уж там-то их точно не найдут!

– У нас что, охота с участием президента? – неуверенно улыбнулся зять.

– Делай, как я сказал! – отрезал Виталий Евгеньевич. – Поедем к твоей тетке или кто там она тебе, под Клин. И срочно надо оформить Татке загранпаспорт. О путевках я позабочусь сам.

– Какие путевки? – зять опустил в кресло. – Что произошло? Вы можете объяснить, в конце концов? Мы же не дети!

– Все вы мои дети, – огрызнулся Жамин, засовывая в чехол карабин. – И я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас, в том числе и я, стал трупом! Ясно?

– Не ясно, – неожиданно заулыбался всегда такой покладистый зять. – Я не намерен срываться с места и гнать черт знает куда по неизвестным причинам!

– Хорошо, изволь, – банкир сердито отбросил чехол с карабином и сел напротив. – Я объясню!

Коротко, стараясь не вдаваться в несущественные подробности, он обрисовал создавшуюся ситуацию. Зять, слушая его, нервным движением рывком ослабил узел элегантного галстука и сцепил пальцы так, что побелела кожа на суставах.

– Любые твои уверения, что ты не имел к этому никакого отношения, никто не станет принимать в расчет, – жестко глядя ему в глаза, закончил Жамин.

– Ты идиот! – выдохнул потрясенный зять, впервые назвав тестя на «ты». – Так глупо вляпаться и еще подставить всех нас?

– Умник! – зло ощерился Виталий Евгеньевич. – Что бы ты вещал под дулом пистолета, а?

Он шумно засопел от злости и обиды: этот молокосос еще вздумал учить его?! Небось сам в штаны бы наложил при разговоре с незнакомцем в длинном пальто.

– Ехать за город – безумие! – дрожащими руками доставая сигарету и прикуривая, тихо сказал зять. – Там нас спялят в доме, как куропаток. Что у тетки под Клином, что на даче. И никто не поможет. Тем более, как оттуда сделать загранпаспорт и взять путевки?

– Спялят? – эта мысль не приходила Жамину в голову. – Что ты предлагаешь?

– Остаться.

– Остаться? Где? Здесь?

– Да, – твердо ответил зять. – Собраться всем здесь. Тут многоквартирный дом, есть стальная дверь, может быстро приехать милиция.

– Если нам не обрежут телефон, – усмехнулся Виталий Евгеньевич.

– Пусть! Но остаются соседи и при выстрелах они поднимут тревогу. Опять же, находясь здесь, мы решим вопросы с выездом значительно быстрее и проще. Есть еще одно...

– Что? – быстро вскинул голову тесть.

– А если у них все пройдет как по маслу и на тебя не падут никакие подозрения? – слегка наклонился к нему зять. – Ведь так может быть? Они же не идиоты и понимают, на что идут? Коли все проскочит, твой отъезд, да еще со всей семьей, будет выглядеть, как бы это получше выразиться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.